ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 3 (2876) Суббота, 5 января 1952 г. Цена 40 коп.

Пожелание советского народа

На рубеже нового, 1952 года, в те торжественные часы, когда миллионы людей всеми помыслами устремляются в будущее, радио разнесло по всей земле слова новогоднего послания товарища И. В. Сталина японскому народу. Выражая глубокое сочувствие народов Советского Союза японскому народу, попавшему в беду в связи с иностранной оккупацией, товарищ И. В. Сталин в заявлении главному редактору агентства Киодо господину Киноси Ивамото пишет:

«Прошу передать японскому народу, что я желаю ему свободы и счастья, что желаю ему полного успеха в его мужественной борьбе за независимость своей родины.

Народы Советского Союза сами испытали в прошлом ужасы иностранной оккупации, в которой участвовали также японские империалисты. Поэтому они вполне понимают страдания японского народа, глубоко сочувствуют ему и верят, что он добьется возрождения и независимости своей родины так же, как добились этого в свое время народы Советского Союза.

Желаю японским рабочим освобождения от безработицы и низкой заработной платы, ликвидации высоких цен на товары массового потребления и успеха в борьбе за сохранение мира.

Желаю японским крестьянам освобождения от безземелия и малоземелья, ликвидации высоких налогов и успеха в борьбе за сохранение мира.

Желаю всему японскому народу и его интеллигенции полной победы демократических сил Японии, оживления и подъема экономической жизни страны, расцвета национальной культуры, науки, искусства и успеха в борьбе за сохранение мира».

В этих мудрых сталинских словах, полных благородного участия и веры в торжество справедливого дела, отразился весь советский человек с его неизменным миролюбием, отзывчивостью к чужой беде и кровным уважением к праву каждого народа — большого и малого — на свободу и независимость.

С чувством глубокой признательности встретили люди доброй воли заявление товарища И. В. Сталина господину Киноси Ивамото. Миролюбивые народы находят в этом историческом документе выражение их самых сокровенных дум, самых жизненных чаяний. «Слова Сталина, — пишет польская газета «Трибуна люду», — имеют колоссальное значение для японского и других народов. Колоссальное значение — потому, что их сказал вождь народов Советского Союза — государства, которое с первых дней своего существования открыто заявило о своих симпатиях и своей поддержке всех борющихся за свободу и независимость народов. Колоссальное — потому, что их сказал первый в мире борец за мир, выражающий мысли сотен миллионов людей всех континентов».

Комментируя заявление товарища И. В. Сталина, румынская газета «Скынтейя» подчеркивает, что оно «...является одним из замечательных документов, служащих народам мира сильным оружием в борьбе за дело мира».

«Слова товарища Сталина, — пишет венгерская газета «Сабад Ифьюшаг», — обращены не только к японскому народу. Они призывают всех честных миролюбивых людей земного шара к усилению борьбы за мир. Они обращены к тем странам, которые истоптаны сапогами иностранных оккупационных войск, к странам, трудящиеся которых живут в таких же нечеловеческих условиях, как и японские рабочие и крестьяне».

С большим воодушевлением встретила послание великого знаменосца мира товарища И. В. Сталина демократическая общественность Японии. Седьмой год испытывает японский народ ужасы американской оккупации, обрекающей трудящиеся массы на бесправие и муки безработицы, на голод и нищету. На примере Японии ясно видно, какие страдания и лишения несет рабочим, крестьянам и интеллигенции империалистическая политика подготовки новой мировой войны. Навязав Японии сепаратный «мирный» договор и военное соглашение, американские империалисты превратили страну в колонию Уолл-стрита. В преступных планах вашингтонских агрессоров, претендующих на мировое господство, Японии предназначена роль военно-стратегического плацдарма, а японскому народу уготована участь дешевого пушечного мяса.

«Японский народ, — сообщает китайская газета «Женьминьжибао», — страдает от ужасающей нищеты, не имеющей прецедентов в истории. В 1951 году производство товаров широкого потребления составляло лишь 70 процентов довоенного уровня. Налоги, по сравнению с довоенным периодом, увеличились в полтора раза. В 1951 году в Японии было 18 миллионов безработных. Только в декабре 1951 года в Японии закрылось 200 компаний».

Народы, подпавшие под иго американской оккупации, все отчетливее начинают понимать, к каким гибельным последствиям ведет политика милитаризации, которую Вашингтон осуществляет за счет национальных интересов маршаллизованных стран. Выходящая в Восточной Германии газета «Нейес Дейчланд» в передовой статье, выражая сочувствие японскому народу, пишет: «Весь мир видит сейчас, что американские империалисты окопались в ряде стран, жесточайшим образом эксплуатируют их и предпринимают все, чтобы втянуть их в свою авантюристическую военную политику». При этом, — отмечает газета, — их ничуть не беспокоит, что «эти страны находятся за многие тысячи километров от США...»

С грубым высокомерием завоевателей чванливые янки-оккупанты унижают национальное достоинство японского народа и грубо попирают его национальные традиции. Простые люди Японии вкусили от позлаченного, но горького плода «американского образа жизни».

Даже печать монополий вынуждена под давлением фактов признать, что американская военщина и бизнесмены хозяйничают в Японии, как в собственной колонии. «В течение шести лет, — констатирует газета «Нью-Йорк геральд трибюн», — армия вела в Японии привольный образ жизни». А журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», обычно превозносящий «цивилизаторскую» миссию США в оккупированных ими странах, отечески журит распоясавшихся грабителей, напоминая им, что «повсюду в Токио можно слышать разговоры об американском империализме, о колонизации Японии Соединенными Штатами».

«Независимость» Японии, о которой с такой охотой разглагольствуют американские палачи в военной форме и дипломаты-разведчики, — это независимость рикши, осужденного тащить в гору военную колымагу уолл-стритовских монополий. Но японский народ, попавший в беду, не хочет мириться с американской кабалой. Несмотря на фашистский террор и преследования, в стране ширится и крепнет фронт борцов против ремилитаризации, за заключение всестороннего мирного договора. Шесть миллионов подписей под Обращением о заключении Пакта Мира между пятью великими державами — таков вклад японских патриотов в благородное дело мира и всеобщей безопасности.

Послание великого вождя трудящихся товарища И. В. Сталина согревает надеждой и верой сердца простых людей Японии. Оно придает им мужество и воодушевляет на решительную борьбу против империалистического гнета, против бесчеловечного режима нищеты, бесправия и угрозы новой войны.

Отмечая, что заявление И. В. Сталина главному редактору агентства Киодо привлекает огромное внимание общественности, японская газета «Иомиури» указывает, что «это послание дало японскому народу почувствовать, что мы также ни в коем случае не стоим вне международной политики и все сильнее втягиваемся в водоворот международных событий, в которых два мира стоят друг против друга».

Корреспондент «Правды» А. Кожин приводит в своей статье знаменательный разговор с токийским вагоновожатым Ходжимой Хироси, юношей с умным, волевым лицом, в серой форменной куртке. На прощанье Хироси сказал: «Мы стали теперь сильнее. Передайте спасибо за это товарищу Сталину».

— Мы стали теперь сильнее! — так чувствуют, так говорят в Японии все, кому дорога участь порабощенной родины.

Есть глубокий символический смысл в том, что новый, 1952 год ступил на землю, напутствуемый словом великого знаменосца мира товарища И. В. Сталина. Благородные идеи мира и дружбы между народами поднимают на борьбу против черных сил реакции новые миллионы людей. Неодолимой преградой на пути поджигателей войны встает могучее движение сторонников мира. И мы знаем, мы верим: 1952 год будет годом славных побед свободолюбивых народов.

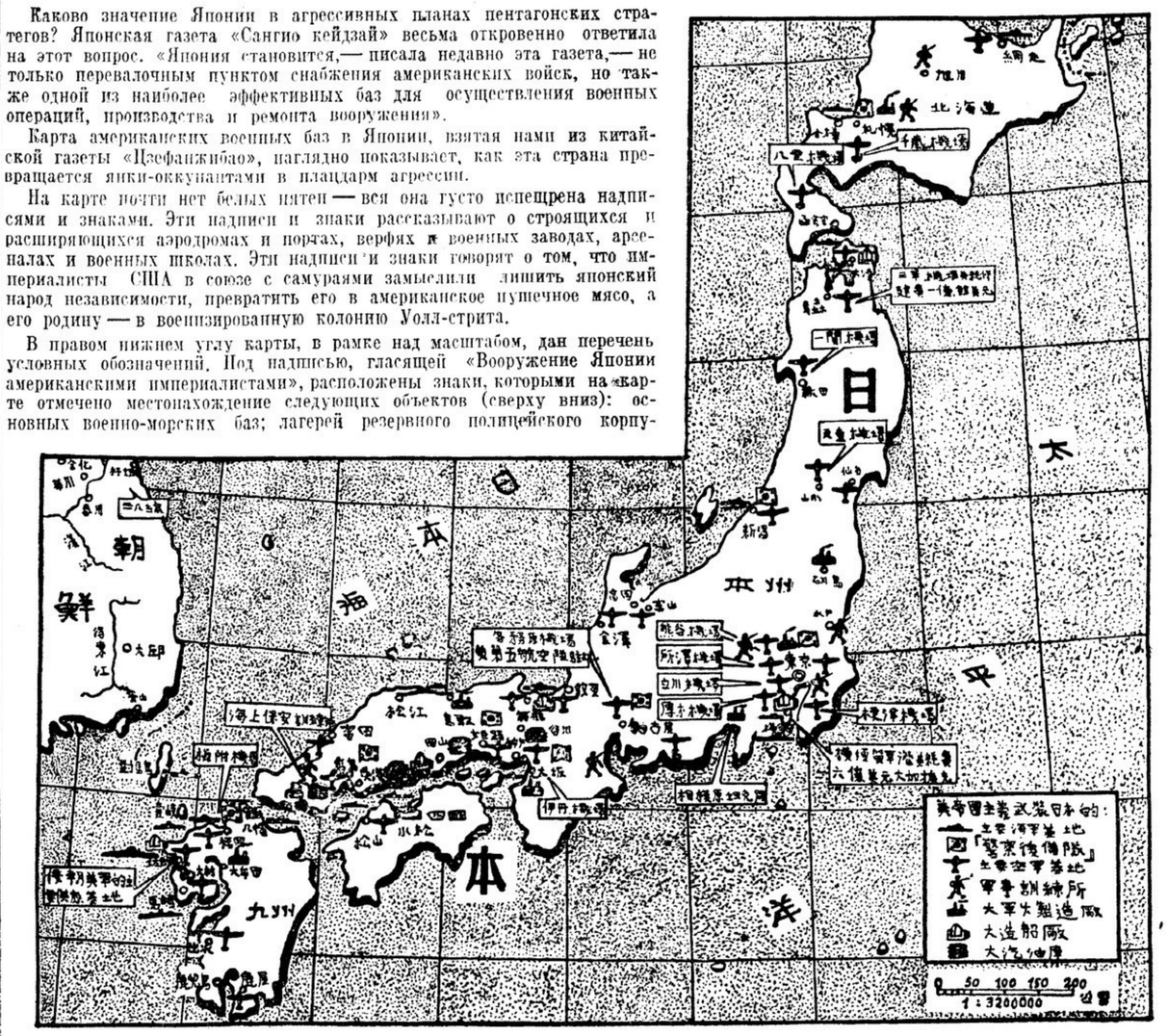
Янки-оккупанты в Японии

Каково значение Японии в агрессивных планах пентагонских стратегов? Японская газета «Сангио кейдзай» весьма откровенно ответила на этот вопрос. «Япония становится, — писала недавно эта газета, — не только перевалочным пунктом снабжения американских войск, но также одной из наиболее эффективных баз для осуществления военных операций, производства и ремонта вооружения».

Карта американских военных баз в Японии, взятая нами из китайской газеты «Цзефанжибао», наглядно показывает, как эта страна превращается янки-оккупантами в плацдарм агрессии.

На карте почти нет белых пятен — вся она густо испещрена надписями и знаками. Эти надписи и знаки рассказывают о строящихся и расширяющихся аэродромах и портах, верфях и военных заводах, арсеналах и военных школах. Эти надписи и знаки говорят о том, что империалисты США в союзе с самураями замыслили лишить японский народ независимости, превратить его в американское пушечное мясо, а его родину — в военизированную колонию Уолл-стрита.

В правом нижнем углу карты, в рамке над масштабом, дан перечень условных обозначений. Под надписью, гласящей «Вооружение Японии американскими империалистами», расположены знаки, которыми на карте отмечено местонахождение следующих объектов (сверху вниз): основных военно-морских баз; лагерей резервного полицейского корпуса; основных военно-воздушных баз; военных училищ; больших заводов по производству боеприпасов; крупных верфей; крупных бензинохранилищ.



Карта вооружения Японии американскими империалистами, опубликованная китайской газетой «Цзефанжибао»

Надписи, сделанные на карте Японии, — это названия городов и населенных пунктов, связанных с американской оккупацией и возрождением японского милитаризма: Токио, Иокосука, Осака, Кобэ, Нагасаки, Нагоя, Хакодатэ, Ямагата, Окаяма. Сасэбо и многие другие... Надписи в прямоугольниках со стрелками — дополнительные пояснения, характеризующие те или иные военные объекты. Так, например, большая надпись в прямоугольнике вверху справа гласит: «На ремонт аэродрома в Аомори янки потратили 100 миллионов долларов». Надпись внизу справа сообщает, что расширение верфи в Иокосука обошлось американцам в 600 миллионов долларов. В надписи внизу слева говорится, что Сасэбо является главной базой снабжения американских войск, действующих в Корее.

За этой картой мы видим страдания японского народа, попавшего в беду в связи с иностранной оккупацией.

***

Совершим короткое мысленное путешествие по Японии, пользуясь опубликованной нами картой. Легко заметить, что знак, изображающий военный корабль, не является редкостью на карте. По сведениям агентства Киодо Цусин, из сорока крупных японских портов, только пять отнесены правительством к разряду торговых. Большинство портов и целые районы вокруг них полностью заняты США. Крупные соединения американских подводных лодок и части военно-морской авиации базируются в крупнейшем японском порту Иокосука. Военные грузы, предназначенные для отправки в Корею, размещены в Кобэ. Корабли 7-го флота США базируются в Сасэбо. И везде, где на японской карте стоит знак, изображающий военный корабль, американские инженеры интенсивно строят военные сооружения.

На судостроительных верфях также кипит работа. Возрождается японский военный флот. Среди строящихся кораблей — 2 авианосца, 2 крейсера, 3 эсминца, 6 подводных лодок.

Со знаком военного корабля успешно соперничает знак с изображением самолета. Мало свободной земли остается в Японии для мирных жителей... Янки не церемонятся! Они уже реквизировали на военные нужды территорию площадью около 400 миллионов квадратных метров и к 31 марта наметили реквизировать еще 215 миллионов квадратных метров. На о. Хоккайдо (на карте вверху) некоторые населенные пункты целиком превращены в базы для американских военно-воздушных сил. «США оставят свои войска в Японии», — вполне определенно заявил начальник штаба американской армии генерал Коллинс.

Ну, а как обстоит дело с пушечным мясом для авантюр янки-оккупантов? Об этом говорят мелькающий на карте в разных районах страны японский флаг, обозначающий резервный полицейский корпус, и фигурка солдата с ружьем наперевес, обозначающая военное училище.

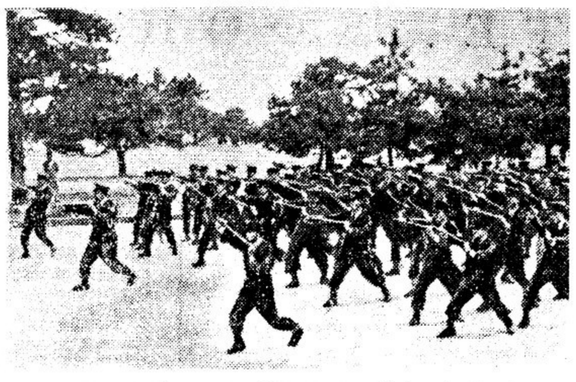
Резервный полицейский корпус — ядро возрождаемой армии. Его численность доводится до 150.000 человек; у него на вооружении — артиллерия, танки и т. д. Экономический диктатор Японии — советник американских оккупационных войск Додж повелел отпустить в 1952 году на содержание этого корпуса 120 миллиардов иен. Чем заняты «полицейские» из резервного корпуса? Отнюдь не изучением правил уличного движения. И в этом нетрудно убедиться, взглянув на снимок, взятый нами из французского журнала «Регар» (внизу справа).

Токийская полиция расправляется с одним из участников демонстрации инвалидов войны

Остается познакомиться с крупными японскими военными заводами. Оказывается, они уже приступили к производству авиабомб, автомобилей, радаров. Совсем недавно Японию посетила «обследовательская комиссия» американской компании «Дуглас» во главе с бывшим заместителем военного министра США Стюартом. По мнению японских промышленников, вскоре можно будет приступить и к производству самолетов. Ключевые позиции в японской промышленности принадлежат янки-оккупантам. Магнаты Уолл-стрита владеют, как правило, контрольным пакетом акций японских фирм. Ряд авиационных компаний, в том числе «Пан-американ эйр лайнс», захватил в свои руки 100 процентов акций.

Итак, путешествие, казалось бы, закончено. Но нет. Кто хочет получить представление о жизни японского народа под гнетом янки-оккупантов, должен побывать на улицах городов и деревень, на митингах сторонников мира. Там звучит голос японского рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, борющихся за возрождение и независимость своей родины. Снимки слева внизу и в центре, взятые нами из японского журнала «Асахиграф», — эпизоды из этой борьбы.

В борьбу за мир втягивается все большее и большее число честных японцев. Не так давно в городе Иокосука, оккупированном американцами, состоялась выставка картин японской прогрессивной художницы Тосико Акамацу. На ее произведениях запечатлен город Хиросима, подвергнутый атомной бомбардировке американскими империалистами. Три тысячи человек, посетивших выставку, подписались под требованием о заключении всестороннего мирного договора с Японией, против ремилитаризации страны, несмотря на угрозы американских оккупантов. Подобно демонстрации инвалидов на одной из улиц Токио, требовавших пенсии, работы и жилищ, три тысячи подписей, собранных в Иокосуке, — тоже эпизод. Но количество таких эпизодов растет с каждым днем. Демократические силы Японии, несомненно, добьются победы в борьбе за сохранение мира.



СЛЕВА — группа инвалидов войны устроила «сидячую демонстрацию» на одной из улиц Токио: они объявили голодовку, требуя прекращения полицейских преследований сторонников мира, увеличения пенсий, работы. СПРАВА — учебные занятия полицейских резервного корпуса, являющегося ядром новой японской армии, против возрождения которой протестовали инвалиды войны.

Снимки из японского журнала «Асахи-граф» и французского журнала «Регар»

КОММЮНИКЕ СЕКРЕТАРИАТА ВСЕМИРНОГО СОВЕТА МИРА

О сборе подписей под Обращением Всемирного Совета Мира о заключении Пакта Мира

Сегодня секретариат Всемирного Совета Мира опубликовал коммюнике о сборе подписей под Обращением Всемирного Совета Мира о заключении Пакта Мира между пятью великими державами. В коммюнике говорится, что в ходе кампании за заключение Пакта Мира на 1 января 1952 года собрано 596.302.298 подписей, в том числе по отдельным странам:

Албания — 865.885, Алжир — 120.000, Германия (народный опрос против ремилитаризации и за заключение мирного договора) — 16.700.000, Аргентина — 3 млн., Австралия — 90.000, Австрия — 871.021, Бельгия — 409.092, Бирма — 129.830, Боливия — 8.500, Бразилия — 3 млн., Болгария — 5.627.000, Канада — 270.000, Чили — 500.000, Китай — 344.530.057, Кипр — 103.824, Колумбия — 25.000, Корея — 7.047.821, Коста-Рика — 34.000, Куба — 850.000, Дания — 128.278, Египет — 100.000, Испания — 400.000, Финляндия — 550.000, Франция — 10 млн., Англия — 833.000, Греция — 36.725, Гватемала — 100.000, Голландия — 342.598, Венгрия — 7.148.000, Индия — 1.700.000, Индонезия — 609.163, Ирак — 20.000, Иран — 1.961.198, Израиль — 354.159, Италия — 16 млн., Япония — 6 млн., Ливан — 200.000, Мексика — 300.000, Монголия — 633.877, Норвегия — 30.000, Пакистан — 14.000, Парагвай — 16.000, Перу — 5.578, Польша — 18.053.000, Пуэрто-Рико — 20.000, Португалия — 40.000, Румыния — 11.060.141, Таиланд — 152.531, Швеция — 265.000, Швейцария — 61.800, Сирия — 265.000, Чехословакия — 9.020.522, Трансиордания — 22.000, Триест — 80.000, Тунис — 130.000, Южно-Африканский Союз — 5.000, СССР — 117.669.320, Уругвай — 216.000, Венецуэла — 45.000, Вьетнам — 7.532.378.

ПРАГА, 3 января

ТВОРЧЕСКИЕ ПЛАНЫ ПИСАТЕЛЕЙ

Федор ПАНФЕРОВ

У нас в стране сама жизнь дает богатейший материал для литератора, выдвигает замечательные исторические темы. Одна из них — тема преобразования природы. Мечта об обуздании суховеев, о борьбе с засухой веками владела народами. Ныне Советская страна осуществляет народные чаяния, приступив к разрешению этой важнейшей проблемы, особенно остро стоящей в Поволжье. На Волге строятся гигантские гидроузлы, проводятся каналы, люди готовятся к орошению миллионов гектаров земли.

Я в течение двадцати пяти лет изучаю способы и методы борьбы с влиянием среднеазиатской пустыни на степи Поволжья, а в течение двух последних лет наезжаю в Нижнее Поволжье, главным образом в Сталинградскую и Астраханскую области, подолгу живу там, наблюдаю все, что делает народ для борьбы со злыми силами природы, пишу роман «Волга-матушка река». Тема очень интересная, но в то же время очень сложная и трудная. Хотелось бы в этом году закончить первую книгу романа — «Большая Волга». Думаю, что мне это удастся.

С. МАРШАК

В 1952 году я заканчиваю большую книгу для маленьких «Веселое путешествие от А до Я». В этой книге я попытался дать своего рода «Мир в картинах».

Написал несколько глав автобиографической повести в стихах. Работаю над драматической сказкой.

Перевел сказку классика армянской литературы Ованеса Туманяна — «Капля меда», циклы стихов Леси Украинки, Шандора Петефи, Генриха Гейне, молодого украинского поэта Платона Воронько.

Как всегда, работаю над стихами для детей.

Анатолий СУРОВ

У меня, как у всех советских людей, год прошел под лозунгом: «Миру — мир!» На эту тему я написал ряд статей. И эту же тему разрабатывал в драматургии, работая над пьесой «Москва, 1941 год». Работал над переводом пьес драматургов братских советских республик.

Начал в середине лета и скоро закончу пьесу о металлургах, о рабочем классе.

Вышла книга, в которой собрано пять моих пьес о труде и мире; подготовлен сборник публицистики «Слово о труде и мире».

Однако должен сказать, что работал не в полную силу (хотя более напряженно сравнительно с 1950 годом). Обещаю работать лучше по сравнению с 1951 годом.

К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

О том, как борются грузинские хлеборобы за осуществление указания товарища Сталина о резком увеличении производства пшеницы в Грузии, я пишу свой новый роман. С прошлого года почти все время я живу в Ширакской степи — одном из самых богатых хлебных районов республики. Изучая материал и близко знакомясь с людьми, я хочу показать, как советские колхозники, овладевшие могучей социалистической техникой, под руководством большевиков превращают один из самых отсталых в прошлом уголков Грузии в житницу республики.

Лев ОШАНИН

Я работаю над книгой стихов «Сталинград—Берлин». 1951 год сложился для меня очень интересно. В июне—июле я был в Сталинграде, на строительстве Волго-Дона, Цимлянского гидроузла. Потом я поехал на третий Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Сталинградские и берлинские впечатления дополнили друг друга, объединились в единый замысел.

Кроме книги «Сталинград—Берлин», которую надеюсь закончить в первые месяцы 1952 года, я собираюсь снова поработать в любимом и дорогом для меня жанре песни.

Антонина КОПТЯЕВА

Год тому назад я уже сообщила читателям, что работаю над второй книгой трилогии «Иван Иванович» — романом «Дружба». Место действия — Сталинград, время — 1942 год, герои романа — коллектив медицинских работников, принимающих участие в обороне города-героя.

Я снова в течение двух месяцев жила в Сталинграде: много работала в музее обороны города, изучала документы Великой Отечественной войны, встречалась с участниками сталинградских боев, побывала на местах исторических сражений, собрала богатейший материал для романа и сейчас работаю над ним. Думаю закончить его в конце 1952 года.

А. ПЕРВЕНЦЕВ

В наступившем году мне предстоит работа над сценарием художественно-исторического фильма «Герои Шипки», в основном законченным в конце 1951 года. Сценарий посвящен освободительной войне на Балканах 1877—1878 годов, ставить его будет режиссер С. Васильев.

Кроме этого, я пишу сейчас роман о Москве, который также надеюсь закончить в этом году. Это — роман о рабочем классе, о нашей инженерно-технической интеллигенции, о мирной промышленности и техническом прогрессе Советского Союза.

Не забываю и театральную драматургию: работаю над пьесой «Королева Европы», посвященной борьбе за мир.

В начале года выйдет из печати книга очерков «В Исландии», аналогичная по своему жанру моим брошюрам «В Корее» и «В Албании».

Б. МЕЙЛАХ

В 1951 году преобладающую часть времени у меня заняло участие в коллективных литературоведческих исследованиях, предпринятых Академией наук СССР. Мною написана работа о литературных взглядах Ленина и Сталина, которая войдет в X том «Истории русской литературы», и отредактирован VI том, посвященный Пушкину и его современникам. Принимал участие в подготовительной работе «Пушкинской энциклопедии».

В новом году я также буду участвовать в коллективных работах и, в частности, в очень интересном по замыслу большом сборнике, посвященном вопросам русского литературного языка и стиля в свете гениальных трудов товарища Сталина о марксизме в языкознании.

Запрос «Литературной газеты» застал меня за работой над темой о проблемах эстетического идеала, о сущности прекрасного на материале литературы прошлого и современной советской литературы. В нынешнем году я продолжу разработку этой сложной и увлекательной темы.

С КНИЖНЫМ ФУРГОНОМ

Ефим ДОРОШ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

Автобус свернул в сторону и начал медленно взбираться в гору. Слева от дороги, у въезда в село, тянулось кладбище. За деревянной оградой, среди кустов шиповника стоял черный гранитный камень с надписью: «Народный писатель, член ВКП(б), Семен Павлович Подъячев».

Был глубокий смысл в том вообще-то случайном обстоятельстве, что обычный рейс книжного автофургона, исколесившего многие районы Московской области, здесь, в Коммунистическом районе, начался с села Подъячева, где жил и умер замечательный русский писатель, «правдивый и бесстрашный друг людей», как сказал о нем Горький.

Мы остановились в бывшей барской усадьбе, где сейчас школа и машинно-тракторная станция. Приехавшие с автобусом инспектор Москниготорга Мария Матвеевна Заборова и продавщица районного книжного магазина Нина Башилова расставляли столы возле ограды школьного двора, раскладывали книги, плакаты, письменные принадлежности...

Дворянский герб на фронтоне светлого с колоннами здания школы, длинный кирпичный флигель конторы МТС, перестроенный, видимо, но все же сохранивший черты хозяйственной постройки старой помещичьей экономии, напоминали о далеком прошлом. В такой вот усадьбе, должно быть, услышал Подъячев разговор, приведенный им в повести «Среди рабочих».

«В грамоте-то что проку?.. Возьмем, к примеру, сказать, волость, суд, тоись, наш... Каки порядки? Кто делом правит? Писарь... человек грамотный, ученый... Ладно... а-а-тлично! А что толку?..»

«...Хозяева нашим братом, прямо надо говорить, как мочалкой трут... В деревне жить — не у чего... Земли нет. Тяжелые времена подошли! И грамота твоя ничего не помогает... Какая грамота, коли жевать нечего... Не до нее!..»

Мимо наших импровизированных прилавков промчалась тяжелая трехтонка; воздушная струя перелистала лежавшие на столе плакаты. Машина остановилась, девушка-шофер в замасленном комбинезоне выскочила из кабины, подошла к нашему фургону. Она быстро оглядела прилавки, словно искала что-то:

— Ох, и нужна же мне эта книжка!— обрадовалась девушка, вытерла руки торчавшим из кармана обтирочным концом и начала осторожно листать толстый справочник по электрическому оборудованию автомобилей.— Двадцать четыре рубля!.. Дороговато... Ну, мы на пару со сменщиком возьмем!

К фургону подошел сухощавый человек в полувоенной одежде — заместитель директора МТС по политической части Петр Иванович Ермаков. Он называл фамилии покупателей, столпившихся у прилавков.

Девушка-шофер — Мария Комкова; мужчина, купивший книгу по садоводству,— старший агроном МТС Григорий Федорович Лукашев... Женщина, выбравшая орфографический словарик,— машинистка... У фургона становилось людно, и замполит уже не успевал знакомить нас с покупателями. Быстро расходились произведения классиков, новинки советской художественной литературы. Многие товарищи спрашивали «Коммунистический Манифест», работы Ленина и Сталина.

Книжный автобус приехал в Подъячево впервые, и когда он еще раз попадет сюда — неизвестно. До районного центра, где находится отделение Книготорга, километров двадцать. Думается, что в Подъячеве надо организовать постоянную торговлю книгами. Можно бы, скажем, договориться со школьной библиотекаршей, которая, на правах книгоноши, продавала бы книги, извещала читателей о новинках, принимала заказы. И тогда шофер Мария Комкова давно получила бы необходимый ей справочник, стоявший без пользы на полках магазина.

Хорошую, полезную книгу, залежавшуюся в магазине или в библиотеке, можно сравнить с бездействующим станком, с семенами, которых не посеяли.

Иван Иванович Рыжов, колхозник сельскохозяйственной артели имени Л. М. Кагановича, работал плотником. Но случилось так, что колхоз решил завести пасеку, а пчеловода не было. И вот общее собрание обратилось к Рыжову с просьбой: займись, мол, пчелами, Иван Иванович, колхозу это вот как нужно!.. Рыжов начал с того, что отправился в сельскую библиотеку. Он прочитал все имевшиеся там книги по пчеловодству. И если колхоз получил тонны меда со своей пасеки, этому помогли эти вот книги, числящиеся в абонементной карточке одного из читателей библиотеки.

Небольшой деревянный ящичек, из которого я достал абонементную карточку Рыжова, говорит о многом. Он дает представление о культурном уровне, об интересах жителей села Синькова и окрестных деревень, где находится укрупненный колхоз имени Кагановича.

Из двадцати книг, прочитанных за год молодым колхозником Иваном Антоновичем Кондратовым, шестнадцать посвящены электричеству, атомной энергии, радиолокации, радиотехнике.

Редко, правда, но встречаются и такие абонементы, по которым трудно сказать, какую работу выполняет человек в колхозе, какие вопросы его волнуют.

Вот один из абонементов: Бабаевский «Кавалер Золотой Звезды», Лаптев «Заря», Рыбаклич «Золототысячник».

Слов нет, книги хорошие. Но уж очень мало их. Кому же принадлежит эта карточка?

Оказывается, Алексею Семеновичу Короткову, коммунисту, председателю колхоза, до недавнего времени работавшему секретарем партийной организации колхоза.

У секретаря колхозной партийной организации, разумеется, меньше свободного времени, нежели у рядового колхозника. Но в современных условиях трудно представить себе руководителя, который бы в повседневной работе своей не ощущал необходимости посоветоваться с книгой — политической, художественной, специальной... Ведь эдак может случиться, что люди, которыми он руководит, попросту обгонят его в своем росте. Любопытны в этой связи и обстоятельства, вызвавшие у секретаря партийной организации интерес к названным книгам.

В колхозе имени Кагановича была читательская конференция. Председателем конференции выбрали Алексея Семеновича Короткова. В течение нескольких часов колхозники обсуждали повесть Лаптева «Заря», сравнивали ее с другими произведениями о послевоенной деревне, говорили об образах колхозных руководителей, сельских коммунистов.

И только один человек не мог высказать свое суждение — Алексей Семенович Коротков.

Казалось бы, от него должны были услышать колхозники об интересной книге, а вышло наоборот.

Часа три, должно быть, стоял в Синкове наш автобус. В холодных лучах солнца пылали пестрые плакаты, лежавшие на разостланном возле колес машины брезенте. И каждый, кто шел или ехал мимо, обязательно сворачивал в сторону, подходил к прилавкам.

Пожилой колхозник в тяжелом на вате пиджаке молча листал негнущимся, в ссадинах, пальцем книгу об адмирале Ушакове, поглядел, сколько она стоит, ни слова не говоря, отворотил полу, достал кошелек и начал отсчитывать деньги. Молодой мужчина в резиновых сапогах и накинутом на одно плечо ватнике долго рассматривал справочник по электротехнике, аккуратно положил его на место, заметил разочарованно: «Не то. Видать, в Москву надо ехать!» Паренек в маленькой, почти без козырька кепке протиснулся к прилавку, окинул его быстрым взглядом, с некоторой наигранной бойкостью попросил дать ему книгу об Александре Матросове, расплатился, сунул ее за ремень гимнастерки и пошел прочь. Худощавая женщина в темном ситцевом платочке несколько неуверенно спросила, нет ли чего по кролиководству.

Возле прилавка с художественной литературой возникали своеобразные «читательские конференции». Почти о каждом новом произведении советских писателей высказывали свое мнение, однако покупали мало. «Это у нас в библиотеке есть»,— можно было услышать чуть ли не о каждой книге. Действительно, в синьковской библиотеке имеется примерно десять тысяч томов. Но дело не только и не столько в этом.

Дело в том, что цена книг все же высока. «Жатва» Галины Николаевой в издании «Московского рабочего» стоит двенадцать рублей. «Степан Кольчугин» Василия Гроссмана в издании «Советского писателя» — 19 руб. 50 коп. Правда, есть и недорогие издания. Гослитиздат, например, из года в год издает серию лучших произведений русской и иностранной художественной литературы. Вышедшие недавно повести и рассказы А. И. Куприна стоят всего лишь два рубля семьдесят пять копеек. Но книги этой серии выпускаются в тонкой бумажной обложке. А колхозник хотел бы иметь на своей книжной полке не только высокохудожественную и дешевую, но и хорошо оформленную книгу.

Пока что некоторые синьковские колхозники хотя и много читают, а для личной библиотеки приобретают лишь то, без чего нельзя обойтись, что нужно всегда иметь под рукой: орфографический словарь, книгу по какой-нибудь специальной отрасли хозяйства и в значительном количестве — литературу для детей.

А ведь, право, колхозным активистам очень помогла бы в работе собственная библиотека, где были бы произведения классиков марксизма-ленинизма, книги о мичуринской науке, произведения лучших советских писателей. Да чтобы в каждой книжке были закладки в наиболее интересных и важных местах, подчеркнутые собственной рукой строчки.

Такой библиотекой обзавелся, к примеру, Петр Сергеевич Творожников, председатель колхоза имени Берия, где побывал наш книжный фургон. Петр Сергеевич выписывает сочинения Сталина, получает книги Толстого; дома у него на полках вы найдете Колхозную энциклопедию, труды Мичурина, справочники по полеводству, пчеловодству, учебники по различным отраслям сельского хозяйства.

Петр Сергеевич председателем колхоза стал после войны, и чтение не только сельскохозяйственной, но и политической, и художественной литературы, как справедливо утверждает он, воспитало в нем способность руководить людьми, вести сложное хозяйство. Занят он, право, не меньше других колхозных руководителей, однако успел за последнее время прочитать «Капитанскую дочку» и главы из «Материализма и эмпириокритицизма», «Тихий Дон» и «Белую березу»...

Когда мы приехали в Трубичево, где помещается правление колхоза имени Берия, наша продавщица Нина Башилова сразу же узнала Петра Сергеевича, как, впрочем, узнала она в Подъячеве директора тамошней МТС Николая Павловича Михалева. Оба они — завсегдатаи районного книжного магазина.

В селе Никольском наш автобус остановился посреди площади, напротив новенького здания сельмага.

На завалинке сельмага сидело несколько мужчин. Все они, увидев автобус, подошли к нам; только один остался на месте. Среди подошедших оказался здешний кооператор. Он заинтересовался, какие книги привез фургон, спросил, нельзя ли обменять кое-какую залежавшуюся в магазине литературу, стал жаловаться, что в течение года уговаривает председателя колхоза купить сочинения Мичурина и все без толку. При этом он оглянулся, словно разыскивал кого-то, увидел оставшегося на завалинке мужчину и с некоторым озорством проговорил:

— Иди, иди, Кирилл Павлович, про тебя разговор. — Затем, обращаясь к нам, заметил:—Вот знакомьтесь, Кряков, председатель нашего колхоза!.. Кому-кому, а уж ему надо бы Мичурина иметь.

— Я в библиотеке беру! — сухо заметил председатель.

Мы поговорили об урожае, о поставках, после чего товарищ Кряков ушел.

Мне захотелось узнать, что читает председатель одного из лучших в районе колхозов. Я зашел в библиотеку и стал просматривать абонементные карточки. Разыскивая карточку тов. Крякова, я невольно задерживался на встречавшихся попутно читательских формулярах. Как и в Синькове, за каждой такой карточкой виден был современный колхозник. Прасковья Федоровна Трусова, судя по отметкам в абонементе, трижды прочитала книгу об удобрениях, два раза — Устав ВКП(б), произведения Шолохова, Мамина-Сибиряка, Тургенева... Шестидесятилетний колхозник Александр Васильевич Цветков читал за последнее время Гоголя, Лескова, Шолохова; комсомолка Лидия Башилова — «Агротехнику кок-сагыза».

На карточке председателя колхоза значились две или три детские книжки.

Кирилл Павлович Кряков может возразить, что, не читая книг, он все же неплохо руководит колхозом. И верно, колхоз имени Сталина — передовой колхоз; урожаи здесь хорошие, поставки выполняются досрочно, люди живут зажиточно. Все это так. Однако книга — политическая, научная, художественная — помогла бы председателю еще лучше руководить колхозом, воспитывать людей.

Что же до времени, необходимого для чтения книг, то можно назвать немало председателей колхозов, которые находят время не то что читать,— писать книги.

Почему бы районным руководителям не собрать как-нибудь председателей колхозов, секретарей партийных организаций, чтобы поговорить с ними не о севе, уборке или заготовках (это делается, и это, разумеется, надо делать), а о книге, о ее значении в нашей работе; поговорить о том, что и как читают люди, имеются ли у них библиотеки, как они оценивают то или иное художественное произведение, ту или иную книгу по сельскому хозяйству.

Обо всем этом думалось, пока автобус катился среди пустых, тихих полей, среди лугов, с которых в сумерки медленно наползал на дорогу туман, по лесным проселкам, из колхоза в колхоз, из бригады № 1 в бригаду № 3, как называют сейчас деревеньки укрупнившихся артелей. На ином проселке автобус чуть встряхивало на ухабе, и тогда в ящике стоявшего посредине стола позвякивали монеты, как бы напоминая, что находимся мы в передвижной «торговой точке».

Но торговля книгами прежде всего — большое культурное дело. Книгу нужно не только продавать, но и пропагандировать, рекомендовать ее читателю.

Почему бы с таким вот автобусом не приехать в колхоз агроному, который рассказал бы о новинках сельскохозяйственной литературы; лектору, который прочитал бы лекцию на литературные темы?

Разумеется, это не дело одного лишь Москниготорга, но ведь есть уже хорошие примеры в других областях и краях, когда книжный фургон становился своеобразным передвижным культурным комбинатом.

РОГАЧЕВО,
Московская область

Статьи «со стажем»

(Письмо в редакцию)

Успехи советской науки, идущей в ногу с жизнью, свидетельствуют о быстрых темпах ее развития. В резком несоответствии с этими темпами находится большое запаздывание с публикацией новых работ, наблюдающееся во многих научных журналах. Достаточно посмотреть, например, «Физиологический журнал СССР», чтобы убедиться в том, что большинство статей в этом крупном научном органе печатается через два, а то и через три года после поступления их в редакцию. Так, например, многие материалы, опубликованные в двух первых номерах этого журнала за 1951 год, поступили в редакцию еще в 1949 году, а часть относится к 1948 и даже к 1947 гг. (например, статья Ю. П. Федотова в № 1).

Задерживая статьи на длительные сроки, редакции часто не считают своим долгом сообщать автору о судьбе его работы. Даже в тех случаях, когда автор сам запрашивает редакцию, он получает весьма неопределенный ответ или совсем его не получает.

Длительное пребывание статей в портфеле редакции приводит к тому, что они утрачивают актуальность, а иногда от этого страдает и приоритет открытий советских ученых. Примером может служить хотя бы работа И. Гедеванишвили, выполненная им под руководством почетного члена Академии наук Грузинской ССР В. Воронина. Ученый выяснил закономерности течения местных расстройств кровообращения в случаях перерезки различных нервов. Эта работа, имеющая как теоретическое, так и практическое значение, была направлена в один из научных медицинских журналов в феврале 1950 года. Ответ же редакции автор получил лишь в конце апреля 1951 года (т. е. более чем через год!). Да и то в нем сообщалось, что редакция только теперь удосужилась направить статью на рецензию. Когда будет опубликовано сообщение о научном открытии Гедеванишвили, неизвестно. А между тем, аналогичные, хотя и менее точные данные появились за это время в иностранной прессе.

К сожалению, подобных примеров немало. Сошлюсь только еще на один.

Большим недостатком Государственного издательства медицинской литературы является то, что некоторые его сборники содержат большое количество работ, выполненных три—четыре года и даже пять лет назад. К тому же авторские указатели печатаются с двухгодичным опозданием. Находить же нужную литературу без указателя крайне трудно.

Устранение этих недостатков в публикации научной литературы не представляет больших трудностей. Необходимо лишь больше организованности и оперативности в работе редакций периодических изданий.

Г. МЧЕДЛИШВИЛИ,
кандидат медицинских наук

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ЧОКТАЛЕ»

В корреспонденции под таким заголовком, опубликованной 2 октября в «Литературной газете», рассказывалось о редком в нашей стране факте проявления феодально-байских пережитков. Молодая киргизская учительница Макиль Малабекова, выйдя замуж, попала в семью Каптагаевых, которые заставили ее оставить работу в школе, грубо попирали ее права и закончили длинную цепь издевательств тем, что, искалечив девушку, выгнали ее из дома. Районная прокуратура, начав следствие, не довела его до конца и без каких-либо серьезных оснований прекратила дело.

Заместитель генерального прокурора СССР тов. В. Болдырев сообщил редакции, что факты, изложенные в корреспонденции, подтвердились. Каптагаев Турсунбай привлечен к уголовной ответственности. Подлежат также уголовной ответственности Саламат Каптагаев и его двоюродный брат Беккельдиев.

На работников прокуратуры, допустивших волокиту и принявших неправильное решение по этому делу, прокурором Киргизской ССР наложено дисциплинарное взыскание. Следователь Балыкчинской районной прокуратуры, неправильно прекративший дело, уволен из прокуратуры.

◇ ◇

«В МОЛДАВИИ ПЛОХО ТОРГУЮТ КНИГАМИ»

О недопустимом отношении к торговле книгами со стороны работников потребительской кооперации Молдавской ССР говорилось в статье С. Речкина, опубликованной в «Литературной газете» 2 октября 1951 года.

По поводу этой статьи заместитель председателя правления Центросоюза тов. А. Любимов сообщает:

«Проверка подтвердила неудовлетворительное состояние книжной торговли в Молдавии. Чтобы улучшить торговлю книгами в республике, проведен ряд организационных мероприятий. В торговую сеть завезено различной литературы на 250 тысяч рублей. К торговле книгами привлечены внештатные книгоноши».

Правление Молдавпотребсоюза отмечает, что статья С. Речкина совершенно правильно вскрыла крупные недостатки в торговле книгами. Сейчас в 209 районных и сельских магазинах потребсоюза Молдавии организована продажа книг.

◇ ◇

«ВОЗМОЖНОСТЬ ИЗЫСКИВАЕТСЯ»

Заметка под таким заголовком («Литературная газета» от 16 августа 1951 г.) критиковала бездушное отношение работников Управления московской городской телефонной сети к просьбе прикованного к постели инвалида С. Бородина. Отказав, «ввиду отсутствия возможности», в установке просимого Бородиным телефона у его кровати, начальник управления обещал посодействовать... в том, чтобы поставить телефон-автомат в подъезде...

Несколько дней назад в редакции раздался звонок — С. Бородин позвонил к нам по телефону, установленному у его кровати.

Библиотека в колхозе «Первое мая» Збаражского района Тернопольской области Украинской ССР насчитывает до четырех тысяч книг политической, художественной и сельскохозяйственной литературы. При библиотеке устраиваются читательские конференции.

НА СНИМКЕ: читательская конференция, посвященная произведениям А. А. Фадеева. Выступает комсомолка помощник бухгалтера колхоза И. Кирык.

Фото Н. ЧЕРНЕЦКОГО

ФЕЛЬЕТОН

Имя, отчество писать полностью...

Вл. ПОНЕДЕЛЬНИК

Как свидетельствуют наши словари: слава— это почетная, широко распространенная известность, свидетельство всеобщего и безусловного признания чьих-нибудь высоких качеств, общественных заслуг, дарований и т. п.

Сухо сказано — речь-то о чем идет! — но сказано правильно.

К советскому человеку слава, признание, известность приходят сами собой. Трудится человек, отдает любимому делу все свои силы и знания. В стремлении прославить свою Родину он всегда готов совершить подвиг, не думая о собственной славе. И вот тогда-то к нему является нежданная, светлая слава в народе.

Она может притти не сразу сияющей во весь горизонт. Но как радуются, как гордятся наши люди и ее первыми, маленькими знаками: красным флажком, трепещущим над токарным станком или трактором; маленькой фотографией, что наклеена на доске почета; заметкой в заводской газете или громом аплодисментов на вечере стахановцев. В нашей стране путь у славы прямой, честный, но не легкий. Он идет в гору, и тот, кто не остановился на полпути, не возгордился первыми знаками признания, тот незаметно достигает вершины.

Слава осеняет у нас ученых и трактористов, конструкторов и артистов, стахановцев и писателей. У славы этой нет предпочтения каким-то профессиям. Она идет туда, где творческое горение озаряет труд человека.

И как неприглядна тот, кто, не поняв этого простого закона народной славы, пытается славу себе создать самолично. Такие «славоделы» у нас — белые вороны. Как правило, эти люди в своей области работают спустя рукава. Удовлетворения своей работой они не испытывают. А между тем видят, что ко все большему количеству советских людей приходит народная слава. И им завидно. Просто завидно!

Вот и Мишауст Шумафов из аула Хакуринохабль не может примириться с тем, что до сих пор его имя не получило широкой известности.

Мишауст Шумафов — молодой специалист. Пять лет учился он в Харьковском юридическом институте, а в мае 1951 года был назначен заведующим юридической консультацией Шовгеновского района, Адыгейской автономной области.

Какое поле деятельности открывалось для молодого адвоката! Тут и разнообразная консультация трудящихся по правовым вопросам, и участие в судебных процессах, и, наконец, большая общественная работа в аулах. Вот где ему представлялась широкая возможность отблагодарить государство и народ за полученные знания и добиться прихода, пусть поначалу маленькой, но своей, заслуженной трудом славы.

Но то ли ему не понравился аул Хакуринохабль, то ли ему не по душе пришлась должность заведующего юридической консультацией, но он с первых дней адвокатской деятельности стал томиться своей работой.

— Карьеру здесь быстро не сделаешь, — говорил Шумафов в кругу близких людей, — известность скоро не приобретешь, не те масштабы. Вот если бы...— но тут он предусмотрительно умолкал...

Трудящиеся района проявляют большой интерес к лекционной пропаганде. Шумафов решил выступить именно на этом поприще. Хорошее желание! И здесь образованный человек может принести большую пользу и заслужить признание. Если только при этом им руководят не мелкие, корыстные цели.

Итак, Мишауст Шумафов читает лекции!.. Нам довелось недавно послушать его лекцию «О судоустройстве в СССР». Длилась она... 27 минут. Пока лектор излагал статьи закона о судоустройстве, все было правильно, но стоило ему отвлечься от написанного текста, он сразу же начинал путать и попросту говорить всяческую ерунду.

— Молодой, еще неопытный лектор, — думали о Шумафове в районных организациях, — авось, получится...

Но дело в том, что сам лектор от своих выступлений был в восторге и вовсе не собирался учиться. Его волновало совсем другое...

Мишауст Шумафов решил своими публичными выступлениями приобрести всесоюзную известность. Но как это сделать, находясь в далеком Хакуринохабле? И вот после каждой его лекции в районную, областную, краевую и центральные газеты стали приходить одно за другим письма-отзывы, письма-оды. Разными фамилиями были подписаны эти восторженные произведения, а сообщалось в них одно и то же и часто одними и теми же словами.

«Нам удалось прослушать две лекции М. К. Шумафова: «Товарищество, дружба и любовь в социалистическом государстве» и «Характер и его формирование», — говорилось в письме в центральную газету, подписанном фамилиями Героев Советского Союза В. Берестового и В. Булата. — Это были лекции, которые буквально пленили, зачаровали целую аудиторию в количестве трехсот человек. Исключительный природный дар дикции голоса, глубокое содержание этих лекций, сочность, доступность языка, на котором были изложены они, все это дало возможность Мишаусту Канаметовичу произвести то действие на своих слушателей, которое он хотел. Ему аплодировали долго и искренне. Заслуженные аплодисменты...»

Вот письмо «от группы читателей». Под ним подписи пяти человек: двух агрономов, заведующей избой-читальней, колхозницы и ученицы 8-го класса.

«Юрист Шумафов Мишауст Канаметович... работает в нашем районе три месяца и за это короткое время прочел 17 лекций на различные темы... И все эти лекции читались... не только на высоком идейно-политическом уровне, но даже на очень высоком. Сказать просто на высоком — это было бы мало для характеристики лекций... Он, когда читает лекции, берет целую аудиторию, пусть это будет в триста человек и более, в какие-то могучие, железные тиски, из которых просто нельзя освободиться. Исключительный природный дар голоса (мы его называем Левитаном, а иногда Плевако, называли бы бо́льшим, но не с кем сравнить), глубочайшее содержание самих лекций, ясность мыслей в них, доступность и сочность языка, на котором преподносятся эти лекции, все это дает ему возможность произвести на своих слушателей то воздействие, которое он желал...»

Авторы письма В. Берестовой и В. Булат сообщили свой адрес: г. Армавир, ул. Степана Разина, № 51. Они настойчиво просили редакцию опубликовать письмо и добавляли: «Шумафов Мишауст Канаметович — писать полностью».

Приехали мы в Армавир. Зашли по указанному адресу. Но тут выяснилось, что Герои Советского Союза В. Берестовой и В. Булат никогда в этом городе ни постоянно, ни временно не проживали.

И в краснодарскую краевую газету от этих авторов поступило письмо. Текст тот же, лишь изменился адрес: г. Харьков, ул. Журавлевская, № 59. Их попросили сообщить о себе подробные сведения. А из Харькова ответили: «Такие граждане по указанному адресу не проживают...»

Было странно, что каждое коллективное письмо подписано жителями разных населенных пунктов, будто кто-то их специально собирал на лекции Шумафова. При проверке этого обстоятельства выяснилось, что участковый агроном Хакуринохабльской МТС А. Цикушев писем в редакцию никогда не подписывал. Его коллега Ш. Хажев рассказал:

— В колхозе имени Кирова я работаю только с 15 сентября, лекций Шумафова не слушал, писем в газеты не подписывал.

Не подписывали писем и заведующая избой-читальней аула Уляп Ц. Киздермишева и ученица Т. Шовгенова. Что же касается «колхозницы колхоза имени Кирова Ш. Пшунеловой», то она в хуторе Хапачево никогда не жила, ее надо искать за сотню километров отсюда, в ауле Урупском — на родине Шумафова. Вспомнил-таки землячку!

Кто же тогда автор всех этих писем о лекторских талантах Шумафова? Чтобы не утруждать никого другого, письма о себе, не щадя времени и сил, он писал сам. Не надо быть специалистом-графологом, чтобы установить, что все письма написаны одним почерком.

Шумафову нужна известность, слава! Он рассчитывал, что и его имени найдется место на страницах печати. И тогда сразу все заговорят о новоявленном просветителе из Хакуринохабля. И он не останавливается перед тем, чтобы подписывать свои подделки именами Героев Советского Союза, агрономов, учителей, медицинских работников, знатных колхозников.

Однако Шумафов не ожидал, что его фальшивки начнут проверять. В общем, не догнал он славы, за которой пустился вскачь. Наглостью и фальшивками можно заслужить у нас только дурную славу!

ТЕЛЕФОН

Михаил ЛЬВОВ

Помнишь юности начало —
Сколько новостей на дню!
Дома нет тебя, бывало,
А я все-таки звоню.

Телефоны-автоматы
Перестроены с тех пор.
Повзрослели все ребята:
Строгий взгляд. Седой пробор.

...Вырастали расстоянья
Между мною и Москвой.
Нарастали испытанья,
Отдаляли облик твой.
Но звонком полночным, длинным,
Я опять тебя будил

Из Свердловска, из Берлина,
Отовсюду, где я был!

Даже там, где не имелось
Той возможности, вдали,
Мне звонить тебе хотелось —
В блиндаже, из-под земли,
Из «тридцатьчетверки» грозной
Разговаривать с тобой,
Из брони ее морозной,
Перед тем, как ехать в бой.

Письма пишешь, пишешь, пишешь.
А они идут, идут...
Тут — ты рядом, в трубку дышишь,
И Москва с тобою тут.
Ты сквозь версты радость даришь —
Становлюсь сильнее я.

Телефон мне друг, товарищ.
Все связисты мне друзья.

Широко по свету славясь,
От тебя вдали живет
Наш шагающий красавец,
Наш шагающий завод.
Чтоб с районом ближе, лучше
Был отныне связан он,
Мы к нему на всякий случай
Протянули телефон.
И — звони, когда захочешь —
Не во сне, а наяву
Из шагающего ночью
В новогоднюю Москву!

Слышишь, как поет здесь воздух,
Как мы дышим, как живем!
И глядят степные звезды
На шагающий наш дом.

ВОЛГО-ДОН. Водораздельный строй-район

М. АЛИГЕР

ПЕРВЫЙ РАЗГОВОР

Поэма «Мое слово» — первый большой разговор с читателем молодой поэтессы М. Агашиной. Этот момент в судьбе писателя всегда очень значителен, от него зависит многое в дальнейшей жизни и работе автора, поэтому и хочется, от души приветствуя молодого поэта в начале его большого пути, поговорить с ним внимательно и серьезно.

Поэма Маргариты Агашиной вряд ли может быть названа поэмой в привычном смысле этого слова — это скорее развернутый лирический монолог, обращенный к жене американского солдата, к матери американского ребенка. С ней говорит советская мать, женщина, поэт, призывая ее к активной борьбе за мир:

Ты тоже мать. Так встань же вместе
с нами,
прижми ребенка своего к груди.
Ты не одна! Нас много — погляди:
в Москве, в Корее, в Лондоне, Вьетнаме.

Это обращение не к одной женщине, а к народу.

Утверждая свое право на этот разговор, женщина страны, отдавшей многих своих сыновей ради победы над гитлеризмом, рассказывает той, не воевавшей, слышавшей только глухие отголоски боев, короткую и правдивую повесть своей жизни. Она рассказывает о своей юности, об огромном горе — гибели в бою любимого человека, и о том, как и во имя чего сумела она победить это горе. Она рассказывает о том, как растет ее сын, сын погибшего воина, как Родина помогает ребенку не чувствовать себя сиротой. Нельзя без волнения читать строки о том, как на первомайском параде ребенок увидел мальчика, поднятого на плечи отцом:

Мой взглянул на мальчика и замер,
словно к месту своему прирос.
И смотрел он детскими глазами,
полными таких недетских слез,
что хотелось броситься — и мимо,
растолкав веселые ряды,
спрятать сына от непоправимой,
в первый раз им понятой беды!
Но стоявший возле мостовой —
загорелый, сильный, высоченный —
взял сынишку на руки военный
и подбросил вверх над головой.
Вверх туда, где теплый майский ветер
встретил сына трепетом знамен.
И нигде, на целом белом свете,
не было счастливее, чем он...

Форма поэмы, выбранная Маргаритой Агашиной, форма развернутого лирического монолога, уже довольно крепко укоренилась в советской поэзии. Достаточно вспомнить хотя бы такие вещи, как «Февральский дневник» и «Ленинградская поэма» Ольги Берггольц, как «Сын» Антокольского. Видимо, эта форма, емкая и свободная, дающая возможность естественных и органичных отступлений от собственной темы, очень закономерна для таких лирико-публицистических поэтических произведений, лишенных обязательной сюжетной основы. Все происходящее, так же как и все другие образы, возникающие в ходе повествования, дается здесь только через восприятие лирического «я». Как же использовала Агашина эту избранную ею форму? Всеми ли ее возможностями она воспользовалась? Мне кажется, что М. Агашина чувствует себя скованной, боится отвлечься, раздвинуть рамки темы и привнести в нее что-то новое, что-то свое. А читатель испытывает в этом потребность.

Стихи Агашиной заставляют вас с первых же строк заинтересоваться образом, личностью ее героини, ее героев, и вам хочется узнать о них больше, узнать их лучше, полюбить не только за их судьбу — судьбу поколения, — но и за их индивидуальные черты, личную значительность. Однако мы так и не узнаем ничего о душевном мире героев, о том, к какой жизни они готовятся, о чем мечтают, чему учатся, как собираются участвовать в той яркой и многозвучной жизни, в которую вторгается война. Знакомые приметы: институтские зачеты, общежитие, какие-то чертежи, свернутые с началом войны, как и тетрадь с надписью «дипломная работа»,—все это расплывчато и неясно, и только подлинное лирическое волнение, с которым пишет Агашина о молодой девичьей любви, заставляет нас верить ей, верить тому, что ее герои заслуживают нашего доброго, заинтересованного отношения. И вот такое же торопливое, без индивидуальных подробностей прощание, во время которого героиня, конечно, не находит нужных слов, и тревожные дни в полутемной военной Москве, и ожидание писем, и страшная, грозная минута:

Неслышно коридором общежитья
я к комнате знакомой подошла
и слышу: — Только ей не говорите!
Рванула дверь — и сразу поняла.

Здесь краткость, лаконичность помогает впечатлению, усиливает его, тут это подлинно поэтическая краткость, которую никак не следует смешивать с торопливостью и скороговоркой, обкрадывающими и поэта, и его героев, и читателей в других случаях. Агашиной удаются трудные переходы в ее лирическом рассказе. Когда героиня узнает о трагической судьбе дорогого человека и в первом смятении очень человечно вспоминает о дальнем материнском доме, о ледяном ведре на колодце, ей становится страшно и бесконечно одиноко, и это чувство все нарастает, и кажется нет из него выхода:

Все, что было у нас,
оборвалось осколком металла.
Как хотел он вернуться!
Но вот он упал и не встал.
Значит, некого мне
в День Победы встречать у вокзала.
...Но придет человек,
о котором убитый мечтал.

Вот он, выход! Ребенок, который будет, для которого нужно жить и не только жить, но и строить жизнь.

И жаль, что именно в этой главе Агашина изменяет принципу краткости стиха в самых ответственных, требующих наибольшей выразительности местах поэмы ради нескольких торопливых риторичных и лишних строф:

Я такая, какой
ты меня воспитала
и какой ты хотела увидеть меня.
Я стою. Я живу.
Я не плачу и я не устала!..

По сути дела, тут поэт просто отмахивается от огромной и трудной поэтической задачи. И заключительное четверостишие этой главки:

Здравствуй, первая трудность,
которой гордиться я стану!
Настежь двери — пусть видно,
как в комнату входят года!

звучит уж очень неорганично, не говоря о том, что в двух последних строчках явно хромает синтаксис, а выражение «первая трудность» в применении к такому горю, как гибель любимого человека, по-моему, выбрано более чем неудачно. Эти слова мельче того, о чем говорит поэт. Следующая главка начинается строфой:

Вот и все. Идет пятидесятый.
Летний луч запутался в окне.
Бегают веселые ребята
по большой и ласковой стране.

Какая случайная и несвязная строфа! Первая ее строчка говорит о том, что с тех пор, как мы расстались с героиней, прошло много лет, и мы, естественно, надеемся узнать что-нибудь существенное о ее судьбе, о ее духовном росте в эти большие годы. И поэтически эта первая строчка: «Вот и все. Идет пятидесятый»,—звучит так плавно и развернуто, что невольно ждешь, что за ней последует такая же плавная и развернутая поэтическая картина. Однако вместо этого следует совсем уже необязательная строка: «Летний луч запутался в окне», которая явно обрывает представление, вызванное первой строкой, равно как и две последующие.

Это мнимая краткость, мнимая лаконичность.

Решить пламенную гражданскую задачу, какую поставила перед собой М. Агашина, средствами лирической поэзии — благородный и достойный замысел, но, по-моему, сейчас, на данном историческом этапе, когда та же задача решается народами в мировом масштабе, разговор с американской матерью должен быть более гневным и страстным. Стихам Агашиной, которые лично мне очень близки и приятны своей лирической мягкостью и своеобразным внутренним спокойствием, порой недостает твердости интонации, чувства гнева. Кроме того, мне кажется, что художественному решению этого замысла нехватает внутренней цельности и связности. Перейдя от вступления к рассказу о судьбе своей героини, поэт как будто забывает о том, что он рассказывает это жене американского солдата, и вместе с ним невольно забывает об этом и читатель. Поэтому, когда автор возвращает его к своему замыслу в заключительной части поэмы, это получается несколько искусственно.

Агашина пишет просто и серьезно, стих ее, лишенный внешних эффектов, свободный от красивостей, именно этим доходчив и убедителен. Она все время думает, и присутствие в стихе горячей, напряженной мысли наполняет его кровью и плотью. Но это неизбежно исчезает в тех случаях, когда Агашина начинает декларировать или пользуется готовыми риторическими фигурами. Тут и пластичность стиха исчезает и появляются натянутость и неуклюжесть, за которыми часто теряется и смысл:

Они хотят запрятать ужас этот
в пороках слов и спичей и статей.

Можно бы указать поэту и на весьма недостаточную работу над отбором эпитетов.

Но все это не главное, а главного, чего, по-моему, недостает поэме, это глубокого проникновения в тему, в образ, в духовный мир героя поэмы — молодого советского человека. И это, по-моему, своеобразная, я бы сказала, лирическая форма незнания жизни, первая ступень этого незнания. Пока это еще искупается всегда обаятельной в поэзии молодостью, искренностью и настоящим поэтическим волнением. Но кроме них необходимы знания, много знаний, знание жизни, знание души человека — героя нашей поэзии. Нужно, чтобы люди узнавали от поэтов новое о жизни и людях, такое, что могло бы им пригодиться в жизни, в труде, в борьбе. И если мне скажут, что я предъявляю слишком большие требования к первой поэме молодого поэта, я не соглашусь с этим. Я рассматриваю эту работу, как начало большого пути молодого и серьезного поэта, и пытаюсь предвидеть те трудности, которые перед поэтом неизбежно встанут. Я хочу помочь ему подготовить себя к большой и взыскательной работе, для которой у Маргариты Агашиной, безусловно, есть талант и силы.

Журнал «Октябрь». № 10. 1951 год.

«ЗАРЯ КОЛХИДЫ»

Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ

В книге Константина Лордкипанидзе «Заря Колхиды» описан тот начальный этап колхозного строительства, который знаком читателю по «Поднятой целине» Михаила Шолохова, «Брускам» Панферова и многим другим произведениям советской литературы. Общие в своих основных закономерностях процессы писатель показал в их конкретном, национальном проявлении.

Для колхозного движения во всех уголках нашей страны одинаково характерно то, что коммунисты, возглавив колхозное строительство, опирались в первую очередь на бедноту, привлекая середняков и на деле доказывая им преимущества коллективного хозяйства, что им приходилось вести напряженную борьбу с саботажем, вредительством и другими формами кулацкого сопротивления и что из этой борьбы коммунисты вышли победителями.

Константин Лордкипанидзе сумел раскрыть эти глубокие процессы, создать подлинно реалистическое произведение об одном из первых грузинских колхозов.

Роман Лордкипанидзе — результат многолетнего труда. Начальные его главы были опубликованы еще до войны, и с тех пор автор, создавая новые части книги, переработал и первую ее часть.

Перед нами воочию встает село в Западной Грузии — «кукурузной республике», как ее называли в те времена, подчеркивая крайнюю бедность сельского хозяйства в этих областях, производящего сплошь да рядом только кукурузу и фасоль. Мы видим людей этого села — талантливых и трудолюбивых, но придавленных нищетой, мы видим, как партия пробуждает в них сознание великого преимущества коллективного хозяйства, ведет по пути строительства новой жизни.

Мастерство писателя сказалось в том, что, воплощая свой замысел, он теснейшим образом связал сюжет романа с формированием характеров героев.

В первой части книги автор рисует героев в начале двадцатых годов. Эта часть романа, на первый взгляд, кажется статичной и бытоописательной. Но это оправдано и обусловлено замыслом показать веками устоявшийся быт грузинского села: его жизнь в следующих частях романа приводится в движение организующей и вдохновляющей волей большевистской партии.

Сколько действующих лиц — столько человеческих судеб и характеров. Вот Меки Вашакидзе по прозванию «Хрикуна» — сирота, живущий в услужении у кулака Эремо Пиртахия. Тяжелое бремя батрацкой жизни пригнуло его к земле. Жестокий старый мир с детства лишил его возможности самозащиты и права на собственное достоинство. А вот Даху Турабелидзе, или Дахундара, как его называют в деревне, — пропойца и попрошайка, дошедший до полного морального падения. На первых порах своеобразная дружба Меки и Даху кажется читателю естественной и понятной. Но судьба друзей сложится по-разному — животворящая любовь к труду сделает Меки Вашакидзе активным творцом новой жизни, а постоянное безделье погубит Дахундару, превратит в послушное орудие в руках классового врага.

Перед читателем проходит целая галлерея образов. Все они наделены индивидуальными признаками как во внешней обрисовке и речевых характеристиках, так и в показе их внутреннего мира. И Георгий Джишкариани, и Кирилл Микадзе, и Бежан Ушверидзе, и Гигуца Уклеба, и Марта Гордадзе — бедняки, еле сводящие концы с концами в своем жалком единоличном хозяйстве. Но как своеобразен каждый из них! Они — живые люди со своей особой судьбой и психологией, и путь их к колхозу, путь к новой жизни, будучи определен в первую очередь их социальным положением, сопровождается глубоко личными переживаниями. Это очень сложная задача — показ социального через психологическое, и писатель с честью справляется с нею. Вот середняк Аслан Маргвеладзе — одна из самых ярких и полнокровных фигур романа. Колебания этого на редкость трудолюбивого и честного крестьянина, его путь к колхозу показаны автором мастерски. Это путь честного середняка, на опыте убедившегося в преимуществах общественной, коллективной обработки земли.

В колхозе все эти люди, которые жили трудовой крестьянской жизнью, — много работали, едва сводили концы с концами и нередко относились друг к другу с недоверием, — вдруг словно ожили, у них проснулись новые надежды, перед ними раскрылись новые перспективы. Их односельчанин — секретарь местной партийной организации Тарасий Хазарадзе рассказал им о новом и единственном пути, который может вывести из тупика. Кажущаяся статичность первой части романа сменяется со второй его части стремительным движением. Сюжетное развитие становится все более напряженным и драматическим.

Тарасий Хазарадзе — человек большого ума, энергичный организатор, страстный пропагандист идей социализма, чуткий товарищ, преданный сын большевистской партии, — таков образ зачинателя одного из первых в Грузии колхозов. Руководя крестьянами, он и сам растет, сам учится, исправляя свои ошибки.

Тарасий Хазарадзе, как носитель большевистской идейности, является наиболее активным персонажем романа. Именно он, его мысли, его слова, его поступки оказывают могучее воздействие на всю жизнь земоцихских крестьян.

В романе изображены **рост людей в процессе труда,** изменение их отношения к труду—в нем с одинаковой силой описаны и те времена, когда труд был тяжелым бременем и проклятьем для тружеников, и начало новой эры, когда труд стал подлинным источником радости и творческого вдохновения, первоосновой духовного роста людей. Хороши страницы романа, в которых показана буйная радость Меки Вашакидзе, впервые почувствовавшего себя хозяином своего труда. Страницы, описывающие расчистку нового пахотного участка или приезд Меки на тракторе в родную деревню после окончания им курсов,— настоящая поэма о труде, о радости свободной творческой работы.

Роман переведен Э. Ананиашвили, которому удалось передать дух оригинала и его национальную форму на русском языке. В переводе «Зари Колхиды» дан практический ответ на некоторые вопросы, до сих пор вызывающие разногласия среди переводчиков. Известно, какие трудности возникают при переводе пословиц, поговорок, идиоматических выражений. В переводческой практике часто встречаются случаи замены этих оборотов более или менее адэкватными русскими выражениями. Некритическое применение такого метода неизбежно приводит к утрате национального своеобразия, национальной формы переводимого произведения. Э. Ананиашвили лишь изредка и с большой осторожностью прибегает к русским поговоркам и выражениям для передачи грузинских — в тех случаях, когда невозможен прямой перевод грузинского оборота.

Переводчик романа отказывается и от другой крайности — он выступает против засорения русского текста непереведенными грузинскими словечками и терминами, требующими обильного комментирования и затрудняющими чтение книги.

Если говорить о недостатках книги, то в первую очередь автора следует упрекнуть в том, что он сузил рамки своего повествования, не показал, что жизнь села Земоцихе тесно связана с жизнью республики в целом и с жизнью всей нашей советской страны, в ряде районов которой процессы коллективизации проходили раньше, нежели в Грузии. Автор упустил такую возможность, как создание образа «двадцатипятитысячника», присланного в Земоцихе для помощи в организации колхоза. Этот персонаж только вскользь упоминается в романе, он даже не назван по имени. Досадно и то, что мало показано влияние города на события, происходящие на селе.

Нельзя не отметить недоработанность сюжетной линии, связанной с образом Тучи Дашнани — председателя Земоцихского исполкома. Читателю с самого начала ясно, что человек этот подпал под влияние кулаков. Пассивность Хазарадзе, не сумевшего своевременно разоблачить этого разложившегося человека, — непонятна.

Сцена поединка Тарасия Хазарадзе с бандитом, преследующим его, написана, как нам кажется, в несколько натуралистической манере, вообще чуждой К. Лордкипанидзе — мастеру реалистического повествования. Сцена эта происходит на берегу реки после купанья, и враги встречаются... обнаженными.

Все эти недостатки вполне исправимы. Читатель вправе требовать от такого художника, как Лордкипанидзе, полного использования его творческих возможностей.

К. Лордкипанидзе. «Заря Колхиды». Роман. Москва. «Советский писатель», 1951.

Книги для детей

Благинина Е. Хорошо живется. Стихи. Для дошкольного возраста. Детгиз. 16 стр.

Гайдар А. Сочинения. Детгиз. 707 стр.

Героические былины. Для среднего и старшего возраста. Детгиз. 88 стр.

Грива Ж. Рассказы об Испании. Перевод с латышского. (Серия «Школьная библиотека»). Детгиз. 120 стр.

Григулис А. Третья бригада. Повесть. Перевод с латышского. Рига. Латгосиздат. 152 стр.

Гришашвили И. Маленьким друзьям. Стихи для дошкольного возраста. Перевод с грузинского. Детгиз. 13 стр.

Гулям Г. Моим друзьям. Стихи для младшего и среднего возраста. Перевод с узбекского. Детгиз. 32 стр.

Гусейн М. Апшерон Роман. Перевод с азербайджанского. (Серия «Школьная библиотека») Детгиз. 296 стр.

Забила Н. Наша Родина. Стихи. Для старшего дошкольного и младшего школьного возраста. Перевод с украинского. Детгиз. 32 стр.

С. ШЕШУКОВ

Книга о Горьком

Каждая новая серьезная книга о Горьком встречается нашей общественностью с волнующим интересом. Живой отклик найдет и вышедшая в 1951 году работа Б. Михайловского и Е. Тагера «Творчество М. Горького».

Книга состоит из двух частей. Первая — дооктябрьское творчество Горького — написана Б. Михайловским; вторая — творчество Горького в советский период — Е. Тагером.

Дооктябрьское творчество пролетарского писателя рассматривается Б. Михайловским как становление принципов социалистического реализма, отображающее развитие самой революционной действительности. Этот правильный исторический подход к произведениям Горького позволил автору убедительно показать, как каждый новый шаг в творческом развитии писателя определялся новым этапом растущего революционного движения в России.

В главе «Творческие искания молодого Горького» Б. Михайловский верно говорит о том, что А. М. Горький не сразу пришел к созданию положительного героя эпохи — революционера-пролетария. Но творческие поиски молодого Горького носили новаторский характер. Горький выступил, как великий гуманист и революционер. Пафос его произведений 90-х годов отражал назревавшую революционную борьбу русского пролетариата. Творческие искания молодого Горького подготовляли искусство социалистического реализма.

Пьеса «Мещане» рассматривается исследователем, как важнейший этап в формировании социалистического реализма. Впервые в русской и мировой литературе был создан характер передового рабочего. «Машинист Нил, — пишет Б. Михайловский, — это уже и есть подлинный герой самой истории».

Героический опыт первой русской революции, активным участником которой был Горький, тесная связь писателя с партией и влияние на него ленинских идей — вот что определило торжество принципов социалистического реализма в романе «Мать» и в пьесе «Враги». Анализ этих произведений подводит к выводу — **художественно** рабочий класс впервые осознал себя в Горьком.

Нельзя верно раскрыть становление социалистического реализма, обходя проблему традиции и новаторства. Достоинство глав о раннем творчестве Горького в том, что творчество писателя постоянно сопоставляется с произведениями его великих предшественников. Интересны мысли о творческой связи Горького с писателями-шестидесятниками, с Чеховым, Короленко, Щедриным. Однако ряд положений именно этой части книги вызывает возражения.

Говоря о преемственной связи ранних реалистических рассказов Горького с демократической литературой 60—70-х годов, автор пишет: «Изображение людей народных низов, их мытарств, их подъяремного труда, бедственного положения угнетенных, тема горя народного роднит произведения Горького с прозой Г. Успенского, Помяловского, Решетникова, Левитова, с мотивами поэзии Некрасова, Добролюбова». В традициях, воспринятых Горьким, исследователь видит лишь изображение того, как «свинцовые мерзости жизни» подавляют, искажают угнетенного человека, живущего среди духовной темноты, беспросветного страдания и отчаяния». Но при этом автор забывает, что в демократической литературе 60—70-х годов выражался народный протест, что «в мотивах поэзии Некрасова» человек из народа предстал, как борец, как «богатырь святорусский», «клейменный, да не раб».

Именно это **героическое** начало русской литературы прежде всего воспринял Горький. Разве благородные характеры русских некрасовских женщин не предвосхитили в какой-то мере образ рабочей женщины-революционерки Пелагеи Пиловны? Разве некрасовские народные богатыри так далеки горьковским героям?

Б. Михайловский утверждает, что демократические беллетристы 60—70-х годов сосредоточивали внимание на социально-экономических условиях жизни, «отодвигая на второй план или упрощая внутренний мир человека из народа, проблему индивидуального характера, подчеркивая всеобщность претерпеваемого социального зла». Верно ли это? И так ли относился ранний Горький к художественному мастерству демократов-шестидесятников? Обратимся к самому Горькому.

«К утру мы кончили книгу... Сидя верхом на мешке муки, Коновалов смотрел мне в лицо странными глазами и молчал, упершись руками в колени...

— Хорошо? — спросил я.

Он замотал головой, жмуря глаза, и опять-таки почему-то шопотом заговорил:

— Кто же это сочинил? — В глазах его светилось неизъяснимое словами изумление, и лицо вдруг вспыхнуло горячим чувством.

Я рассказал, кто написал книгу.

— Ну — человек он! Как хватил! А? Даже ужасно! За сердце берет — вот до чего живо» (речь идет о «Подлиповцах» Решетникова).

Рассказы Горького о буржуазной интеллигенции связаны с традициями Чехова. Однако исследователь, говоря об этом, тут же ставит предостерегающее «но».

«Но обличение омещанившейся интеллигенции у Горького более резкое, заостренное... У Чехова эти люди — пассивные жертвы обывательского болота, у Горького они зачастую—активные носители социального зла».

Да, действительно, у Горького мещане-интеллигенты — активные носители социального зла. Но разве у Чехова они только пассивные жертвы обывательского болота? Достаточно вспомнить «человека в футляре», который «держал в руках всю гимназию целых пятнадцать лет! Да что гимназию? Весь город!», чтобы убедиться, как односторонне это противопоставление, как оно умаляет действенную, обличительную силу чеховского реализма. Не вернее ли сказать, что Горький воспринял от автора «Человека в футляре» силу резкого обличения носителей социального зла, усилил, развил ее, внес в эту тему свое, принципиально новое и довел до разоблачения «самгинщины».

Чувство неудовлетворенности вызывает сопоставление Горького с Толстым.

«Для трилогии Толстого, — утверждает Б. Михайловский, — характерно «приземление» чувств, развенчание любви. Во всех эмоциях подчеркивается эгоистический элемент, физиологическая подоплека, со всех чувств, мыслей, поступков совлекаются покровы. Автор разоблачает мнимость переживаний, фальшь поступков, постоянную автомаскировку... Все это соответствует антиромантической направленности трилогии Толстого, написанной в духе критического реализма».

Чернышевский увидел в трилогии Толстого совершенно иное: «Есть в таланте г. Толстого еще другая сила, сообщающая его произведениям совершенно особенное достоинство своею чрезвычайно замечательной свежестью — чистота нравственного чувства».

Б. Михайловский, как видим, порой умаляет достижения русской классической литературы, значение ее для развития героической темы у Горького.

Новаторство пролетарского художника заключается не в том, что он первый открыл героическую тему в литературе, а в том, что эта ведущая тема передовой русской литературы была обогащена опытом революционной деятельности русского рабочего класса и большевистской партии, освещена гениальным учением Ленина—Сталина и таким образом получила качественно новое решение и дальнейшее развитие. Новаторство Горького следует искать не вне традиций, а в их развитии.

Е. Тагер показывает, какую огромную силу идейно-художественного видения дал гению Горького великий Октябрь, идеи Ленина и Сталина.

Когда на Капри Горький рассказал В. И. Ленину о своем желании написать историю одной буржуазной семьи на протяжении ста лет, Владимир Ильич заметил: «Отличная тема, конечно — трудная, потребует массу времени, я думаю, что вы бы с ней сладили, но — не бижу: чем вы её кончите. Конца-то действительность не даёт. Нет, это надо писать после революции...»

Выдающиеся произведения последнего периода, по существу, получили «развязку» благодаря Великой Октябрьской социалистической революции. «Дело Артамоновых» и «Жизнь Клима Самгина» так же, как и пьесы Горького, заканчиваются великой датой. В связи с этим рассматривается сюжет горьковского эпоса как отражение той логики развития исторических сил, которая приводит к победе социалистической революции. Система образов в произведениях соотнесена именно с этим движением истории. Вот почему горьковский эпос представляет собою великое повествование о неизбежной гибели буржуазного общества, с одной стороны, и о закономерном торжестве народа, партии, социализма, — с другой.

Е. Тагер стремится подойти к творчеству Горького с позиций историзма, устанавливая связь новаторства писателя с новым характером самой действительности. Однако этот историзм осуществляется им недостаточно последовательно и конкретно. Сама реальная действительность, живая борьба советского народа за социализм, борьба на фронтах революции, гражданской войны, а затем на фронте социалистической стройки — все это рассматривается исследователем как-то «суммарно», отвлеченно.

Когда от первого раздела книги читатель переходит ко второму, связанному с советской эпохой, перед ним в этой книге предстает некая «вообще» социалистическая действительность, неизменная и недвижущаяся. И поэтому особенности произведений Горького связываются не с конкретными задачами данного, своеобразного этапа борьбы за социализм, а с общими чертами и условиями социалистического общества.

Такой подход недостаточен для оценки творчества и деятельности любого советского писателя, а тем более Горького с его пафосом неутолимо-жадного, пытливого изучения социалистической действительности, с его активным вторжением во все стороны советского бытия.

В романах, пьесах, рассказах, очерках, статьях Горького послереволюционных лет звучит вера в творческие, созидательные силы народа, хозяина природы, хозяина мира, строителя и преобразователя.

В одном из очерков «По Союзу Советов» писатель припоминает весьма знаменательный эпизод, случившийся на митинге в Петрограде в 1917 году. Бородатый солдат, тяжело топнув ногой, заявил:

«— Я — вот с этой самой земли, — ну? Солдат, как видишь, был на Японской войне, вот и теперь тоже воевал, а — больше не желаю. Разбудили, проснулся. И я тебе, господин в шляпе, прямо скажу: землю мы обязательно в свои руки возьмем, — обязательно! И все на ней перестроим...

— Горы-то сроете?

— А — что? Помешают, и горы сроем.

— Реки-то вспять потекут?

— И потекут, куда укажем. Что смеешься, барин?».

Образ этого солдата неотступно стоял перед Горьким, много раз вспоминался писателю во время его путешествия по Советской стране, неузнаваемо преображенной умным и неутомимым трудом народа. На Днепрострое этот замечательный образ снова предстал перед Горьким, как бы спрашивая: «Ну—что? Верно я говорил?»

Исследователь говорит о поэзии социалистического преобразования земли в творчестве Горького, верно характеризует главные произведения Горького после Октября, однако слабо показывает, какой смысл приобретают образы Горького в наше сегодняшнее время. И это связано с той «академичностью», печать которой лежит на всей книге.

Читатель найдет здесь интересный анализ «Дела Артамоновых» — романа, в котором Горький подвел итог своим многолетним творческим раздумьям о судьбе капитализма, о его духовном банкротстве, исторической обреченности, о неизбежном торжестве революции. Исследователь верно характеризует основные образы романа, высказывает ряд интересных мыслей о том, как историзм горьковского эпоса обусловил стилевое и композиционное своеобразие романа. Однако значительно меньше внимания уделяет он вопросу о том, как роман Горького, неразрывно связанный с актуальнейшими проблемами своего времени, действенен и в наши дни.

Безусловно выиграла бы и глава о «Жизни Клима Самгина», если бы интересный анализ критики буржуазного индивидуализма в этом романе был бы смелее продолжен и больше связан с нашей сегодняшней борьбой. А ведь за полтора десятка лет, которые прошли с того дня, как была написана последняя строка этого неоконченного романа-эпопеи, жизнь дала немало новых страниц, рисующих позорный и бесславный конец буржуазной «самгинщины» в лице всяких джонов пристли и рогге.

Е. Тагер стремится связывать творчество Горького с главным руслом развития всей советской литературы. Интересны его мысли о близости творческих устремлений Горького и Маяковского, создававших новый вид эпоса, где сама история кладется в основу художественного сюжета.

Автор верно отмечает: «Созданные советскими писателями образы великих вождей большевистской партии явились важнейшими достижениями всей нашей литературы в целом. И в решении этой высоко ответственной и труднейшей задачи Горький был пионером, пролагавшим новые творческие пути».

Все же образ Горького—учителя советских писателей, не раскрыт в книге. Е. Тагер не приводит конкретных примеров, которые показали бы развитие горьковских заветов, традиций в творчестве М. Шолохова, Ал. Толстого, А. Фадеева, Н. Островского...

Нельзя дать верный портрет Горького, говоря только о Горьком, ибо велики, многосторонни и плодотворны связи, соединяющие его со всей нашей литературой.

Достоинство глав о Горьком, написанных Е. Тагером, в том, что автор связывает вопросы идейного содержания с их творческим воплощением, подчиняет им анализ стиля, композиции, языка. Но и здесь далеко не все удовлетворяет читателя. Особенно бегло говорится о языке писателя. Чем отличается язык Горького первых произведений от языка зрелых лет, чем в этом плане разнятся горьковские повести и рассказы 90-х годов от его романов 20-х годов, — на этот вопрос книга Б. Михайловского и Е. Тагера не отвечает. Полнее надо было показать и борьбу Горького за богатство, чистоту, за остроту и точность языка как орудия культуры.

«Творчество М. Горького» — полезная книга. Однако необходима дальнейшая творческая работа авторов по преодолению ее недочетов.

Б. Михайловский. Е. Тагер. «Творчество М. Горького». Учпедгиз, 1951. 248 стр.

БЕДСТВУЮЩЕЕ ИСКУССТВО

«Распродажа ценных картин по дешевке» — взывает плакат. Обращенный к прохожим, он подобен руке нищего, протянутой за подаянием. Рядом — гора мастерски написанных маслом портретов, пейзажей, натюрмортов (снимок вверху). Так вынуждены добывать себе средства на существование двадцать два виднейших художника Франкфурта-на-Майне (Западная Германия). Чтобы не умереть с голода, они объединились в своеобразный кооператив по сбыту картин, который немецкий прогрессивный еженедельник «Зоннтаг» метко именует «корпорацией терпящих бедствие».

А вот аналогичная сценка, запечатленная в другом западногерманском городе — в Дюссельдорфе (снимок внизу). Художники этого города, собрав воедино свои последние пфенниги, арендовали старый автобус, на котором и разъезжают по марионеточной боннской «республике» в поисках покупателей!

«Распродажа ценных картин по дешевке» — зазывает плакат. Однако покупателей нет. Конечно, прохожие — простые немцы — любят и ценят творения своих талантливых соотечественников. Но в том-то и беда, что они сами живут не лучше авторов этих картин. Высокие цены и налоги, непомерные оккупационные расходы, голод, нищета, угроза безработицы и опасность новой войны — такова жизнь рядового немца в Западной Германии. Откуда же у него могут быть деньги, чтобы приобретать произведения искусства?

В Западной Германии есть, конечно, люди с «большими кошельками». Это — ожившие под американским покровительством магнаты германского капитала и недобитые гитлеровские милитаристы. Это — толстосумы-янки, чьи многочисленные штабы и службы прочно обосновались на немецкой земле. Но реалистическое искусство ненавистно и тем и другим: оно ведь воспитывает в человеке добрые начала. А американским охотникам за пушечным мясом и их боннским подручным для новой войны нужны люди с моралью животных, душители и убийцы... И именно поэтому западногерманские художники-реалисты, как показывают приводимые нами фотоснимки, обречены на голод и прозябание...

МАРШАЛЛИЗОВАННЫЙ ХАОС

Экономические итоги 1951 года в капиталистических странах

Сколь различен тон буржуазной печати начала 1951 года и его конца! Сколько было оптимистических прогнозов в связи с переводом хозяйства на военные рельсы, сколько было широковещательных деклараций, — найден, наконец, твердили апологеты капитализма, способ избавления капиталистической экономики от всех и всяких неприятностей. «Научно», а не как-нибудь иначе, «доказывалось», что, поскольку промышленность будет иметь гарантированные правительственные военные заказы, «полная занятость» населения будет обеспечена, а органы по «регулированию» создадут бесперебойно действующий экономический организм.

И вот наступил конец года. Жизнь подтвердила, что рост военной продукции может итти и идет только за счет сокращения продукции мирного назначения и что при этом, в конце концов, наступает также общее снижение объема промышленного производства. Вся система капиталистического производства стала надламываться под тяжестью милитаризма.

Приступая к гонке вооружений, правящие круги США бахвалились, что у них-то в США, не в пример гитлеровской Германии, не придется прибегнуть к лозунгу «пушки вместо масла», что они, мол, сумеют обеспечить и пушки и масло. Ну, а сейчас лозунг «пушки вместо масла» — это официальный символ веры вашингтонских правителей, требующих от населения «бесконечного терпения» и непрерывных жертв во имя милитаризации. Что касается народов западноевропейских стран, так и не оправившихся от последствий второй мировой войны, то гонка вооружений также обрекает их на новые лишения.

Холодный язык цифр свидетельствует о тяжелых последствиях форсированной гонки вооружений. Так, в США в третьем квартале 1951 года, несмотря на то, что индекс производства вооружения был на 20 процентов выше, чем во втором квартале, общий индекс производства уменьшился на 3 процента. Падение общего объема производства отмечается также и в других капиталистических странах. В Англии индекс промышленной продукции сократился в третьем квартале по сравнению со вторым кварталом на 7 процентов, во Франции — на 10 процентов.

Сокращение общего объема производства при росте военного производства означает, что происходит оно за счет значительного упадка гражданского производства. И действительно, предприятия гражданской промышленности из-за отсутствия сырья и энергии работают 3—4 дня в неделю, а некоторые и вовсе прекратили работу. Спад происходит во многих отраслях легкой промышленности, выпускающей товары для массового потребления. Вместе с тем наблюдаются явления затоваривания. Население капиталистических стран, обнищавшее из-за высоких цен, устанавливаемых монополиями, и непосильных налогов, не в состоянии покупать самые необходимые товары. Вот и получается, что даже сократившееся количество товаров мирного потребления и то не находит себе полностью сбыта.

Перепроизводство в условиях военно-инфляционной конъюнктуры — первый грозный симптом надвигающейся экономической бури.

Военные расходы капиталистических государств растут буквально не по дням, а по часам. В 1951/52 бюджетном году ассигнования на военные нужды в США составляют более 60 млрд. долларов, а вместе с ассигнованными и перешедшими от прошлого бюджетного года средствами — свыше 106 млрд. долларов. В предвоенные годы военный бюджет США составлял всего 6,5 млрд. долларов. Прямые военные ассигнования Англии в 1951 году составили почти 1500 млн. фунтов стерлингов против 450 млн. в 1937/38 году.

Военные расходы Франции, включая финансирование «грязной войны» во Вьетнаме, возрастают с 750 млрд. франков в 1951 году до 1.500 млрд. франков в 1952 году.

Как покрываются эти расходы? Прежде всего за счет налогов, которые поглощают большую часть доходов трудящихся. В США сумма налогов возросла на 15 млрд. долларов за текущий бюджетный год и достигает 70 млрд. долларов. В США налоги поглощают свыше 40 процентов заработка трудящихся, в Англии — свыше 50 процентов, в западноевропейских странах — почти половину заработка рабочих и служащих. Поскольку, однако, налоги не в состоянии покрыть все военные расходы, образуется значительный бюджетный дефицит. Так, бюджетный дефицит Франции составит свыше 500 млрд. франков. Что касается подачек с американского стола, которые получают западноевропейские страны по «плану Маршалла», по плану военной «помощи» и т. п., то они во много раз меньше возложенных на их плечи военных расходов. В то время как правительство Франции получило по плану Маршалла 500 млрд. франков, на подготовку войны оно израсходовало свыше двух триллионов, т. е. в четыре раза больше.

При гонке вооружений образование бюджетного дефицита неизбежно. А этот дефицит покрывается за счет выпуска бумажных денег. В обращении находятся огромные массы бумажных денег, счет которым ведется уже астрономическими величинами. Во Франции на конец 1951 года выпущен 1 триллион 800 миллиардов франков, что почти в 20 раз превышает довоенное количество денег. В Италии — 1 триллион 150 миллиардов лир, что почти в 70 раз превышает их довоенное количество. В США в обращении денег почти в 4 раза больше, чем до войны, в Англии больше чем в 3 раза. Валюты капиталистических стран обесценены. Франк потерял две трети своей довоенной стоимости, доллар — почти половину. Покупательная способность фунта стерлингов по сравнению с 1945 годом снизилась на 26 процентов.

Гонка вооружений пагубно отражается и на внешней торговле капиталистических стран, которая находится в состоянии глубокого расстройства.

В условиях военно-инфляционной конъюнктуры неизбежно усиливается грызня в лагере империалистов. Идет ожесточенная драка на сырьевом рынке, поскольку монополисты США стремятся установить низкие цены на приобретаемое ими стратегическое сырье и заграбастать в ущерб своим конкурентам большую часть сырья, ставшего дефицитным, для нужд военного производства. Более ощутимой для капиталистов западноевропейских стран становится конкуренция западногерманских и японских монополий, поддерживаемых американским империализмом. Тяжелое положение стран Западной Европы усугубляется еще и нажимом янки, требующих полного прекращения торговых связей между Западной и Восточной Европой. Американская печать не скрывает, что экономика Западной Европы находится накануне банкротства. Так, например, «Нью-Йорк таймс» недавно писала о приближающемся «разрушительном кризисе» в Западной Европе.

***

Никогда еще за всю историю человечества не был так велик контраст между ничтожной паразитической верхушкой, утопающей в роскоши, и миллионами простых людей, обреченных на полуголодное существование.

В США, по официальным данным переписи доходов населения, в 1949 году 20 процентов населения с наибольшими доходами получили почти половину всего национального дохода, а 20 процентов населения с наименьшими доходами получили всего 3 процента национального дохода. Свыше 5,5 млн. американцев не имеют никаких доходов. Миллиардеры подводят итоги, подсчитывают барыши. А «заработали» они не мало! Заработали и на гонке вооружений, и на войне в Корее, и на «помощи» маршаллизованным странам. Прибыли американских капиталистов составляют в 1951 году около 65 миллиардов долларов, т. е. на 16 млрд. долларов больше, чем в 1950 году. Больше всего, разумеется, досталось на долю крупных монополий.

Западноевропейским капиталистам далеко, конечно, до своих старших заокеанских партнеров, но и они неплохо «заработали». В 1951 году прибыли английских капиталистов, связанных с производством вооружений, превысили доходы, полученные ими в 1950 году, более чем на 30 процентов.

Политика подготовки новой мировой войны, проводимая правящими капиталистическими кругами при содействии правых социалистов и реакционных профсоюзных лидеров, неразрывно связана с наступлением монополий на жизненные права трудящихся. Политика гонки вооружений несет простым людям непрерывный рост цен, непосильное налоговое бремя, рост нищеты.

Монополистический капитал взвинчивает и без того высокие цены на товары. В США индекс цен выше довоенного в 2,7 раза. Во Франции цены на промышленные товары возросли на 3.530 процентов по сравнению с довоенными, а цены на продовольствие — почти на 2.000 процентов. В Англии стоимость жизни за один лишь 1951 год возросла более чем на одну четверть. Несмотря на то, что по карточкам полагается весьма голодная норма, многие рабочие семьи не в состоянии ее целиком выкупить.

Дороговизна растет, а заработная плата «заморожена». В результате упорных стачечных боев рабочим иногда удается добиться некоторого повышения номинального заработка. Однако непрерывный рост цен и падение покупательной способности денег весьма быстро низводят реальную заработную плату до прежнего уровня, а чаще всего еще ниже.

В связи с сокращением гражданского производства на улицу выбрасываются новые тысячи рабочих. По данным профсоюзов, в США 4 млн. полностью и 12 млн. частично безработных, в Западной Германии 3 млн. безработных.

Капитализм не может существовать без усиления гнета в колониях и полуколониях. И чем больше в результате национально-освободительной борьбы сужается сфера колониального владычества монополий, тем сильнее подвергаются эксплуатации народы тех колониальных и полуколониальных стран, которые еще не освободились от ига империализма.

В ответ на подготовку монополиями новой мировой войны простые люди в капиталистических и колониальных странах усиливают борьбу против империалистических поджигателей войны. 1951 год был годом обострения классовой борьбы пролетариата, нового подъема стачечной волны, массовых демонстраций, выступлений в защиту мира и жизненных интересов народа.

Во Франции забастовочное движение охватило ряд отраслей промышленности. В Англии число бастовавших в 1951 году было значительно больше, чем в 1950 году. В США, по официальным данным, только с января по октябрь 1951 года произошло 4.065 забастовок, в которых участвовало 2.020 тысяч рабочих.

Особенностью забастовочного движения последнего времени является не только длительность стачек, но и в ряде случаев органическое слияние борьбы за удовлетворение непосредственных требований рабочих с борьбой за мир.

1951 год показал, что экономика ведущих империалистических государств находится под постоянной угрозой потрясений. Непомерное раздувание военной и связанных с ней отраслей промышленности за счет сокращения производства предметов гражданского потребления ведет капиталистические страны к краху.

В. ЧЕПРАКОВ

ЦИНИЗМ ПАЛАЧЕЙ

Тысячи таких листовок, как та, что изображена на верхнем снимке, американские интервенты сбрасывают с самолетов над городами и селами Кореи. Потерявшие всякий стыд убийцы, виновники безмерных страданий корейского народа, уверяют в этих листовках, что американские солдаты прибыли в Корею, как «друзья корейских детей», чтобы играть с ними и чинить их игрушки... Поистине нет предела наглости и цинизму агрессоровянки!

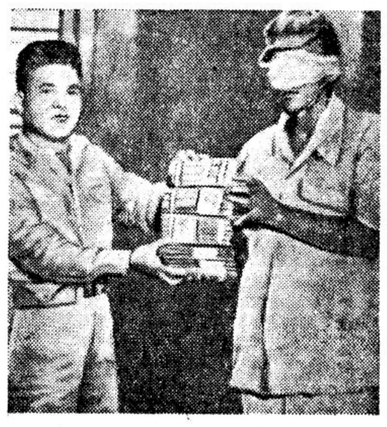
Но эти лживые листовки, изготовленные пропагандистами штаба генерала Риджуэя, не заслонят зверств американских агрессоров в Корее, никого не обманет непристойное кривляние палачей. Пребывание американских войск в Корее отмечено совсем иными картинами, весьма далекими от идиллических упражнений риджуэевских пропагандистов.

На нижнем снимке показано, какого рода «игры» ведут с корейскими детьми «добрые янки». Этот убитый ребенок, над которым склонилась безутешная мать, — один из многих тысяч корейских детей, безжалостно уничтоженных американцами. Таковы каждодневные скорбные картины корейской действительности. Таковы на деле американские «друзья корейских детей».

Снимки из чехословацкой газеты «Руде право»

ЦЕНА КРОВИ

Уже несколько лет длится вооруженная борьба филиппинского народа против американских поработителей и их марионеток. Клика предателей во главе с нынешним президентом «независимых» Филиппин Кирино, поставленная у власти американскими империалистами, всеми мерами пытается подавить освободительное движение. Но предпринимаемые одно за другим наступления против войск Народно-освободительной армии не приносят желаемого результата. Патриоты-воины попрежнему остаются грозой для филиппинской правящей верхушки.



Выходящий в Гонконге буржуазный журнал «Фар истерн экономик ревью» не так давно вынужден был признать: «Военная мощь и смелость филиппинских повстанцев вызывают восхищение у городского и сельского населения страны и оказывают пагубное влияние на моральное состояние сторонников правительства».

Отважные действия народно-освободительных войск приводят в трепет Кирино и его окружение. Да и как не дрожать, когда мужественные патриоты осуществляют боевые операции в непосредственной близости от филиппинской столицы — Манилы! В прошлом месяце, например, отряд бойцов Народно-освободительной армии занял город Санта-Рита, расположенный севернее Манилы. Уничтожив склад взрывчатых веществ, находившийся в здании ратуши, и проведя митинг на городской площади, отряд покинул Санта-Рита.

Будучи не в силах, несмотря на военную помощь США, сломить патриотов, которые пользуются поддержкой всех слоев населения, филиппинские власти пускают в ход самые подлые средства. По совету и указке своих вашингтонских хозяев, они начали организовывать убийства политических противников из-за угла. Для расправы с бойцами и командирами Народно-освободительной армии презренные филиппинские марионетки вербуют среди различных преступных элементов наемных убийц. Им обещаны «награды»: за убийство рядового бойца 4.000 песо, за старшего командира — 25.000 песо, за командующего — 50.000 песо; голова главнокомандующего Народно-освободительной армией Луиса Тарука оценена в 100.000 песо.

Тому, кто доставит живым или мертвым руководителя отрядов Народно-освободительной армии на островах Висаян—Гильермо Кападосиа, филиппинские марионеточные власти предложили 50.000 американских долларов, или 100.000 песо. И вот в конце сентября 1951 года, по сообщениям филиппинских газет, Кападосиа был убит на острове Панай гнусным наемником.

Старый деятель рабочего движения на Филиппинах, Кападосиа в годы второй мировой войны был одним из руководителей сопротивления филиппинского народа японскому империализму. После изгнания японцев с Филиппин Кападосиа командовал на островах Висаян войсками Народно-освободительной армии, борющейся против закабаления страны империалистами США, против превращения Филиппин в американскую казарму.

Не так давно филиппинская газета «Манила таймс» поместила постыдный фотоснимок: презренный убийца Кападосиа, некий Педро Валентин, и его подручный по кровавому преступлению получают обещанную «награду». За этой отвратительной «церемонией» наблюдают филиппинский министр обороны Магсайсай и обряженный в американскую форму начальник штаба правительственных войск Дуке...

Снимок, напечатанный газетой «Манила таймс», — не единственный в своем роде. Мы воспроизводим здесь другую, не менее красноречивую фотографию, на которой тоже запечатлен убийца, получающий «награду». «Этот снимок доставлен с Филиппин»,—пишет французская газета «Се суар». — Подпись к фотоснимку такова: «Чиновник вручает 8.000 песо человеку, казнившему двух партизан. Из предосторожности он завязал лицо...»

Цинично рекламируя убийц с иудиными сребрениками в руках, американские колонизаторы рассчитывают привлечь на эту приманку предателей, бандитов, воров и с их помощью организовать истребление борцов за свободу. Плохо, видимо, обстоят дела американо-филиппинских марионеток, если они вынуждены действовать столь гнусными способами.

Мужественные филиппинские патриоты запомнят эти фотографии, имена убийц, найдут и тех подлецов, которым не скрыть свою отвратительную, перекошенную страхом харю под повязкой, и тех, кто направлял и оплачивал их. Наемные убийцы и их вдохновители не уйдут от справедливого народного возмездия!

М. МЕЛЕХОВ

РЕПОРТАЖ С НОВОСТРОЕК СТРАН НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Красота Новой Остравы

Иржи МАРЕК

Зимний день наступает в Остраве медленно. Кажется, что весь дым, выброшенный за ночь заводскими трубами, еще стелется над землей, хотя над горами уже всходит солнце. Робкая утренняя заря напоминает своими красками отблески раскаленного чугуна, которые полыхали ночью в небе при выпуске очередной плавки. Медленно, очень медленно наступает рассвет, он означает здесь не только начало дня, но и начало новой смены. Рабочий день для Остравы не начинается и не кончается, город живет, грохочет, дымит день и ночь. Ни на минуту не затухают доменные печи, то и дело течет сталь из мартеновских печей. Глубоко под землей не прекращается добыча лучшего угля в республике.

Еще не рассеялся туман, а шоссе уже ожило; мчатся автобусы, велосипеды, мотоциклы — утренняя смена направляется на работу.

Сквозь белесый туман все более отчетливо выступает черный город, где прямо на улицах высятся шахтные надстройки, а между домами пылает зарево мартеновских печей. Это город, каким его создали капиталисты, город для машин, а не для человека. Труженики Остравы и сегодня вынуждены еще ютиться в подслеповатых домиках и хибарках.

Коммунистическая партия, народное правительство свободной Чехословакии решили: надо создать Новую Остраву — светлый и радостный город, достойный строителей социализма.

Сегодня самой популярной в Остраве стала маленькая брошюрка, из которой можно узнать о плане будущего города, ознакомиться с первыми чертежами архитекторов. Советские социалистические города служат образцом при проектировании Новой Остравы.

Каким будет новый город? Он расположится на левом берегу Одера. Опоясанный кольцом садов и парков, украшенный домами замечательной архитектуры на просторных площадях и улицах, он будет насчитывать 150 тысяч жителей. Новые кварталы начнут возводить уже в нынешнем году. Люди, которые спешат сейчас по узким улицам старой Остравы, где дым и копоть стоят низким облаком, скоро переедут в солнечные жилища.

Большую часть жителей социалистической Остравы составят рабочие строящегося здесь же недалеко, в Кунчице, крупнейшего в Европе металлургического комбината имени Клемента Готвальда. Буквально на глазах растет, наливается бетоном и сталью новый промышленный центр. Народ назвал эту стройку социализма «чехословацким Донбассом».

На строительную площадку непрерывным потоком поступают цемент, кирпич, железные конструкции, песок, щебень. В первый день нового, 1952 года была зажжена первая домна, построенная в рекордно короткие сроки. За ней вскоре вступят в строй другие.

Растут, поднимаются корпуса цехов, растут, расцветают талантами люди. Недаром молодые строители написали на большом щите: «Мы строим Остраву — Острава строит нас».

Следуя примеру комсомола Советского Союза, юноши и девушки Чехословакии объявили Новую Остраву ударной стройкой молодежи. Рядом со строительной площадкой раскинулся целый городок деревянных домов, маленький городок с площадью и улицами. Здесь живут юноши и девушки, члены Союза чехословацкой молодежи. Весело развеваются флаги над лагерем. Среди них и синие флаги Союза молодежи. В синий цвет окрашено небо, синий цвет — цвет дали. Романтические устремления молодежи приобретают на стройке новый смысл. Мечты о подвигах и больших делах претворяются здесь в жизнь.

На стройке, кроме молодежи, немало и кадровых опытных рабочих. Посмотрите, например, на бригаду плотников Паздирека. Быстро и ловко передвигаются они по лесам высоко над землей, готовя опалубку для бетона. Замечательно сработались плотники, они понимают друг друга по одному движению головы. И работа горит в их руках.

— Ну что, хлопцы, скажете? Перегонит нас кто-нибудь? — обращается к ним Паздирек.

«Хлопцы», пожилые люди, отцы семейств, покручивают усы и улыбаются. Никто, конечно, не перегонит их.

— А как вы думаете, можем мы взять на себя новые обязательства?..

Рукой, привыкшей держать тяжелые балки и ловко орудовать топором, один из них пишет:

— Мы, 12 плотников из бригады Паздирека, обязуемся сократить срок работы с 27 дней до 17. Мы будем выполнять норму на 250 процентов и вызываем на соревнование остальные бригады. Мы хорошо понимаем значение этой стройки и хотим, чтобы быстрей полилась сталь из мартенов, сталь, укрепляющая фронт мира...

Каждый покажет вам на площадке старого арматурщика Масыру. Он удивляет всех своей высокой выработкой. Сейчас он растит и новые кадры арматурщиков, в которых так нуждается строительство. Старый Масыра еще и поэт. Его очерки и стихи часто появляются на страницах многотиражки.

«Домна, — так начал Масыра очерк, который он недавно принес в газету,—растет на моих глазах все выше и выше к небу. Она стоит, как невеста, которая ждет приданого... А приданое она получит богатое, его даст ей весь наш трудовой народ. Пусть растет она нам на радость, рождает для нас металл, пусть поможет нам итти в будущее...»

Кристина Горакова, оставив дома взрослых детей, тоже приехала строить «чехословацкий Донбасс». По вечерам, после работы, она много читает, пишет заметки в многотиражку. Кристина — рабкор. Хотя бригада каменщиков, в которой она работает подручной, перевыполняет план, Кристина все же считает, что можно сделать больше. Ее часто можно видеть после смены на соседнем участке. А потом, поздним вечером, она садится за статью о женщинах, которые могут служить примером для других. О себе она скромно умалчивает.

— Когда же ты поедешь домой, товарищ Горакова? — спрашиваю я у нее.

— Домой? Вообще не поеду. Когда стройка будет завершена, пойду на другую. Начала я поздно и теперь должна догнать.

И прибавляет с улыбкой:

— Ребята мои уже большие, что мне дома делать? Зато когда-нибудь я смогу сказать: во всех этих коксовых батареях частичка и моего труда.

Многие люди навсегда связывают свою судьбу с судьбой нового индустриального гиганта. Молодые люди из разных концов страны, впервые познакомившись на стройке и полюбив друг друга, женятся. Парень, обслуживающий экскаватор, пойдёт работать в цех, для которого он сейчас выравнивает площадку, его молодая жена станет фрезеровщицей. Они будут жить в Новой Остраве, их дети будут играть в чудесном парке, на том самом месте, где сейчас поднимаются горы щебня.

Поговорите, например, с Властой Дрималовой, молодой крестьянской девушкой из Словакии, или Верой Гашковой, которая вместе с родителями надрывалась раньше на господском поле. Они приехали сюда учиться жить по-новому. Здесь в их сердцах зародилось горячее стремление не расставаться с профессией строителя индустриальных гигантов. И не случайно в местной библиотеке такой большой спрос на книгу Бориса Галина о Донбассе, а «Далеко от Москвы» Василия Ажаева перечитывается по нескольку раз. Молодежь учится у советских строителей — подлинных героев нашего времени.

...Вечер. Над огромной стройкой постепенно спускаются сумерки. И вдруг, подобно множеству солнц, загораются мощные прожекторы, белые шары электрических фонарей. С песнями идут бригады молодежи. С восхищением смотрят юноши и девушки окрест, и перед ними встает Новая Острава в пленительной и совершенно реальной красоте: в стальных конструкциях могучего завода, в переплетении труб нового газопровода, в очертаниях новых домов.

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — К 0-75-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б 00405.